
ОГОНЁК
№ 32 АВГУСТ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ХЛЕБ ИДЕТ

Ненастье сначала мешало убирать хлеб Ставрополья. Но скоро открылось солнце страды. И пошли один за другим комбайны с подборщиками, заглатывая тяжелые пшеничные ленты. В Ипатовском колхозе имени Кирова особенно споро действовали Иван Константинович Коваленко и тезка его Иван Федорович Панасенко. Соревнуясь, два опытных степных капитана убрали и намолотили пшеницы больше всех! А вскоре и весь Ипатовский район выполнил годовой план продажи хлеба. Колхозники продают пшеницу сверх плана, а за сверхплановую государство теперь платит значительно дороже. Хлеб еще есть. И в степи и на токах. Потому и не смолкает гул страды ни днем, ни ночью в полях и на дорогах Ставрополья! Но как бы ни было тяжело в эту пору, станичники успевают и потанцевать на полевом стане, и выбрать обнову у коробейника заезжей автолавки, и песни попеть.

Хлеб идет. Это всегда праздник.

Н. Быков

Фото А. ГОСТЕВА.

Copyrighted material

Первая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва

Два дня в Кремле работала первая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва. Избранники народа собрались в знаменательное время. Советские люди приступили к осуществлению грандиозной, намеченной XXIII съездом партии программы коммунистического строительства. Страна накануне пятидесятилетия Советского государства. Об этих приметах времени не раз вспоминали, выступая с трибуны сессии, депутаты советского парламента.

Сессия решала важнейшие государственные дела.

На раздельных заседаниях палат — Совета Союза и Совета Национальностей — были избраны председатели палат, их заместители, а также мандатные комиссии.

На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей с докладом об образовании постоянных комиссий палат выступил Председатель Президиума Верховного Совета СССР депутат Н. В. Подгорный. Сессия на раздельных заседаниях палат приняла по этому вопросу постановление и избрала постоянные комиссии Совета Союза и Совета Национальностей.

По предложению Генерального секретаря ЦК КПСС депутата Л. И. Брежнева, выступившего от имени ЦК КПСС, Верховный Совет СССР единогласно избрал Председателем Президиума Верховного Совета СССР члена Политбюро ЦК КПСС депутата Н. В. Подгорного. На сессии был избран Президиум Верховного Совета СССР.

Верховный Совет СССР одобрил деятельность Совета Министров СССР. Единодушно было встречено предложение Генерального секретаря ЦК КПСС депутата Л. И. Брежнева, предложение, внесенное от имени ЦК КПСС,— назначить Председателем Совета Министров СССР товарища А. Н. Косыгина. Верховный Совет СССР, по представлению товарища А. Н. Косыгина, образовал правительство Советского Союза.

С Заявлением правительства СССР об основных вопросах внутренней и внешней политики выступил на сессии Председатель Совета Министров СССР депутат А. Н. Косыгин.

Единогласно было принято Заявление Верховного Совета СССР в связи с усилением агрессии американского империализма во Вьетнаме.

...Открывая сессию Совета Союза, старейший депутат этой палаты беспартийный писатель К. Федин сказал:

«Позвольте мне еще раз выразить уверенность в том, что все депутаты Верховного Совета СССР оправдают доверие, оказанное избирателями. Каждый из нас будет верно служить великому делу строительства коммунизма и внесет свой достойный вклад в решение исторических задач, поставленных перед советским народом XXIII съездом партии».

Таково веление народа своим избранникам — верно служить делу строительства коммунизма!

И. В. СПИРИДОНОВ.
Председатель Совета Союза.

Ю. И. ПАЛЕЦКИС.
Председатель Совета Национальностей.

Ш. М. ГАСАНОВА.
Заместитель Председателя Совета Союза.

М. А. АБДУЛЛАЕВА.
Заместитель Председателя Совета Национальностей.

Б. Е. ПАТОН.
Заместитель Председателя Совета Союза.

С. М. ПЕТРОСЯН.
Заместитель Председателя Совета Национальностей.

Д. РАСУЛОВ.
Заместитель Председателя Совета Союза.

С. О. ПРИТЫЦКИЙ.
Заместитель Председателя Совета Национальностей.

А. ШАРИПОВ.
Заместитель Председателя Совета Союза.

Л. С. СОБОЛЕВ.
Заместитель Председателя Совета Национальностей.

Copyrighted material

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВ

Н. В. ПОДГОРНЫЙ.
Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Г. ИГНАТОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Д. С. КОРОТЧЕНКО.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. КОЗЛОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Я. С. НАСРИДДИНОВА.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С. Б. НИЯЗБЕКОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Х. АРУТЮНЯН.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. КЛЫЧЕВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

А. А. МЮРИСЕП.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. П. ГЕОРГАДЗЕ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. БОЛЬШУХИН.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. И. КАСАТКИНА.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. И. КОНОТОП
Член Президиума Верховного Совета СССР.

Д. А. КУНАЕВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

П. М. МАШЕРОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. И. МИКОЯН.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

З. Н. НУРИЕВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР—

А. Н. КОСЫГИН.
Председатель Совета Министров СССР.

К. Т. МАЗУРОВ.
Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ.
Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. К. БАЙБАКОВ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР. Председатель Государственного Планового Комитета Совета Министров СССР.

В. Э. ДЫМШИЦ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР. Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению.

М. Т. ЕФРЕМОВ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Copyrighted material

НОГО СОВЕТА СССР

Г. С. ДЗОЦЕНИДЗЕ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. А. ИСКЕНДЕРОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

К. Ф. ИЛЬЯШЕНКО.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Я. Э. КАЛНБЕРЗИН.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Т. КУЛАТОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

М. ХОЛОВ.
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

С. М. БУДЕННЫЙ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

К. Е. ВОРОШИЛОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. Д. ДАНИЯЛОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

М. ДЖАЛАЛОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

Н. Г. ЕГОРЫЧЕВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. М. КАВУН.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

А. Д. НУТЭТЭГРЫНЭ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

И. Г. ПЕТРОВСКИЙ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

З. П. ПУХОВА.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

Ф. А. ТАБЕЕВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

В. С. ТОЛСТИКОВ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

П. Е. ШЕЛЕСТ.
Член Президиума Верховного Совета СССР.

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

В. А. КИРИЛЛИН.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике

М. А. ЛЕСЕЧКО.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

В. Н. НОВИКОВ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

И. Т. НОВИКОВ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам строительства.

Л. В. СМИРНОВ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Н. А. ТИХОНОВ.
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Copyrighted material

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР —

П. В. ДЕМЕНТЬЕВ.
Министр авиационной промышленности СССР.

А. М. ТАРАСОВ.
Министр автомобильной промышленности СССР.

Н. С. ПАТОЛИЧЕВ.
Министр внешней торговли СССР.

А. К. КОРТУНОВ.
Министр газовой промышленности СССР.

Е. Ф. ЛОГИНОВ.
Министр гражданской авиации СССР.

В. Н. ДОЕНИН.
Министр машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ.
Министр среднего машиностроения СССР.

А. И. КОСТОУСОВ.
Министр станкостроительной и инструментальной промышленности СССР.

Е. С. НОВОСЕЛОВ.
Министр строительного, дорожного и коммунального машиностроения СССР.

Б. Е. БУТОМА.
Министр судостроительной промышленности СССР.

И. Ф. СИНИЦЫН.
Министр тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР.

Е. Ф. КОЖЕВНИКОВ.
Министр транспортного строительства СССР.

Б. В. ПЕТРОВСКИЙ.
Министр здравоохранения СССР.

А. А. ГРОМЫКО.
Министр иностранных дел СССР.

Е. А. ФУРЦЕВА.
Министр культуры СССР.

Н. Н. ТАРАСОВ.
Министр легкой промышленности СССР.

Н. В. ТИМОФЕЕВ.
Министр лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР.

Е. Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ.
Министр мелиорации и водного хозяйства СССР.

И. А. ГРИШМАНОВ.
Министр промышленности строительных материалов СССР.

А. А. ИШКОВ.
Министр рыбного хозяйства СССР.

Н. Д. ПСУРЦЕВ.
Министр связи СССР.

В. В. МАЦКЕВИЧ.
Министр сельского хозяйства СССР.

А. И. СТРУЕВ.
Министр торговли СССР.

Б. Ф. БРАТЧЕНКО.
Министр угольной промышленности СССР.

Copyrighted material

СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

В. Г. БАКАЕВ.
Министр Морского Флота СССР.

С. А. ЗВЕРЕВ.
Министр оборонной промышленности СССР.

С. А. АФАНАСЬЕВ.
Министр общего машиностроения СССР.

К. Н. РУДНЕВ.
Министр приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР.

Б. П. БЕЩЕВ.
Министр путей сообщения СССР.

В. Д. КАЛМЫКОВ.
Министр радиопромышленности СССР.

В. Ф. ЖИГАЛИН.
Министр тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения СССР.

К. И. БРЕХОВ.
Министр химического и нефтяного машиностроения СССР.

А. И. ШОКИН.
Министр электронной промышленности СССР.

А. К. АНТОНОВ.
Министр электротехнической промышленности СССР.

В. П. ЕЛЮТИН.
Министр высшего и среднего специального образования СССР.

А. В. СИДОРЕНКО.
Министр геологии СССР.

Ф. Б. ЯКУБОВСКИЙ.
Министр монтажных и специальных строительных работ СССР.

С. Ф. АНТОНОВ.
Министр мясной и молочной промышленности СССР.

В. Д. ШАШИН.
Министр нефтедобывающей промышленности СССР.

В. С. ФЕДОРОВ.
Министр нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР.

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ.
Министр обороны СССР.

В. П. ЗОТОВ.
Министр пищевой промышленности СССР.

В. Ф. ГАРБУЗОВ.
Министр финансов СССР.

Л. А. КОСТАНДОВ.
Министр химической промышленности СССР.

П. Ф. ЛОМАКО.
Министр цветной металлургии СССР.

И. П. КАЗАНЕЦ.
Министр черной металлургии СССР.

П. С. НЕПОРОЖНИЙ.
Министр энергетики и электрификации СССР.

П. В. КОВАНОВ.
Председатель Комитета народного контроля СССР.

Copyrighted material

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР—СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

А. П. ВОЛКОВ,
Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.

А. А. БУЛГАКОВ.
Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию.

Л. Р. КОРНИЕЦ.
Председатель Государственного Комитета заготовок Совета Министров СССР.

В. Н. РУБЦОВ,
Председатель Государственного Комитета лесного хозяйства Совета Министров СССР.

С. А. СКАЧКОВ.
Председатель Государственного Комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

В. Е. СЕМИЧАСТНЫЙ.
Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

А. А. ЕЖЕВСКИЙ,
Председатель Всесоюзного объединения «Союзсельхозтехника» Совета Министров СССР.

А. А. ПОСКОНОВ.
Председатель Правления Государственного банка СССР.

В. Н. СТАРОВСКИЙ.
Начальник Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР.

Г. И. ВОРОНОВ.
Председатель Совета Министров РСФСР.

В. В. ЩЕРБИЦКИЙ.
Председатель Совета Министров Украинской ССР.

Т. Я. КИСЕЛЕВ.
Председатель Совета Министров Белорусской ССР.

Р. КУРБАНОВ.
Председатель Совета Министров Узбекской ССР.

М. БЕЙСЕБАЕВ.
Председатель Совета Министров Казахской ССР.

Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ.
Председатель Совета Министров Грузинской ССР.

Э. Н. АЛИХАНОВ.
Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

М. Ю. ШУМАУСКАС.
Председатель Совета Министров Литовской ССР.

А. Ф. ДИОРДИЦА.
Председатель Совета Министров Молдавской ССР.

В. П. РУБЕН.
Председатель Совета Министров Латвийской ССР.

Б. МАМБЕТОВ.
Председатель Совета Министров Киргизской ССР.

А. КАХАРОВ.
Председатель Совета Министров Таджикской ССР.

Б. А. МУРАДЯН.
Председатель Совета Министров Армянской ССР.

М. ГАПУРОВ.
Председатель Совета Министров Туркменской ССР.

В. И. КЛАУСОН.
Председатель Совета Министров Эстонской ССР.

Copyrighted material

Счастливая

Ю. РЫТОВ

— Счастливая,— сказала Надежде Ивановне та женщина, которая приходила жаловаться.— У тебя все есть.

Счастливая...

Ее отец, тяжело раненный в финскую кампанию, умер, когда Наде было семь лет. Похоронили его в дачном поселке под Ленинградом. В тот самый день, когда началась Отечественная война. Вернуться в Ленинград, где жила семья, удалось лишь старшей сестре. Надя и ее мать вместе с другими беженцами были задержаны немцами возле деревушки Луги. Ребятишек отделили от взрослых и отправили в Германию, в специальный лагерь.

Детей освободила подпольная группа. Кто были те люди, Надя не знает. Помнит только, что говорили они не по-русски...

Счастливая...

Вернувшись перед концом войны в Ленинград, Надя не нашла здесь ни матери, ни сестры. А потом детский дом, трудные послевоенные годы. Двенадцати лет она в первый раз переступила порог школы...

Дальше — техникум, общежитие, скромная стипендия.

И вот теперь...

— У тебя все есть,— сказала Наде та женщина, которая приходила жаловаться.

У Нади есть работа, семья, квартира, телевизор, холодильник.

У той женщины тоже есть работа, семья, двухкомнатная квартира, телевизор, холодильник. Только вот ее беда: однажды, когда она забыла запереть дверь, пришел сосед и отрезал у нее полтора метра ковровой дорожки (так, во всяком случае, она утверждает). И Наде, депутату областного Совета, пришлось разбирать эту вздорную жалобу.

Грустно: много еще подобных дел у депутата. Кухонные склоки, семейные неурядицы, мелочные обиды, пустячные претензии. И Надя каждый раз удивляется: как могут люди тратить драгоценное время на такую ерунду! Себе Надя никогда не могла этого позволить, и в голову не приходило такое. Конечно, та женщина не совсем права: нет еще у Нади всего того, что ей хотелось бы. Но есть у нее что-то гораздо более ценное, чем квартира и холодильник. Есть главное — представление об истинных жизненных ценностях...

Несколько лет назад в моде были пародии на так называемые производственные пьесы. Сидит герой с героиней на берегу роскошного пруда и нежно спрашивает: «Ну как у тебя сегодня, Маша, производительность труда?» Но что делать — жизнь преподносит и такие ситуации.

Со своим будущим мужем, Мишей Молокоедовым, Надя познакомилась в альпинистском лагере Туюк-Су на Тянь-Шане. Вечерами, когда альпинисты собирались у костра и пели под гитару, будущие супруги говорили не только о прелестях горного пейзажа и трудностях горных восхождений. «Разумеется, рекуперация зависит прежде всего от профиля пути,— рассуждал Миша.— Но искусство вождения поездов тоже кое-что значит...» Надя внимательно слушала его. Оба они машинисты электровозов.

Любопытно: нынешняя Надина профессия оказалась как бы среднеарифметическим от того, о чем она мечтала. Еще в школе она наметила для себя: или авиация, или метро. Воздух или туннель. Однако окончательно выбрать так и не смогла и решила довериться случаю. Недалеко от общежития была трамвайная остановка. Один трамвай — к авиации, другой — к транспорту. Надя решила сесть в тот, который подойдет первым. Подошел трамвай № 34. Надя приехала в транспортный...

Однако ей все же не пришлось спуститься под землю. Весь Надин выпуск был направлен на наземные железные дороги...

Альпинистская смена в лагере Туюк-Су подходила к концу, когда к Наде явилась делегация — Миша и его друзья. Миша нес большой камень, на котором стояла вверх дном кастрюля, а на кастрюле — кружка, полная киселя. Это были сваты. Мишин друг, Виктор Поляков, объяснил символику подношения: дружба, крепкая, как гранит, до днища жизни, и жизнь, полная, как эта кружка. Надя приняла подношение, а про себя подумала: пусть шутят, завтра все равно уедут, а я еще останусь здесь. Но на другой день, вернувшись в свой домик, обнаружила: все ее вещи исчезли. А подле домика стояли в ожидании Виктор Поляков и другие Мишины друзья...

Сейчас она вспоминает об этом с улыбкой. Мы пришли к ней, в новосибирскую квартиру Молокоедовых, ту самую, в которой «все есть». Надя рассказывает о своей жизни, о прошлом и о том, каким видит она свое будущее.

Но прежде всего разговор заходит о работе.

Надя говорит о том, как динамична и сложна жизнь железнодорожников. Сколько было споров и волнений в локомотивном депо Инское, где трудятся Молокоедовы, когда внедрялась новая система работы, десяток лет назад гневно именовавшаяся обезличкой: машинисты стали ездить не на своих, постоянно закрепленных за ними локомотивах, а на любых. Опасались, что эта система приведет к преждевременному износу машин. А сейчас даже представить нельзя, что когда-то было иначе. Да разве это — единственное новшество? По примеру омских железнодорожников удлинили тяговые плечи. Соревновались за то, чтобы электровоз работал не менее 1 030 минут в сутки.

А потом речь заходит о самом последнем новшестве, которое вот сейчас вводится в депо. Называется новшество казенно и туманно: «Вождение локомотивов в одно лицо». А означает подлинную революцию в железнодорожном транспорте. Испокон веков было: локомотив ведут два человека — машинист и его помощник. У каждого свое место. У машиниста справа, у помощника слева. У каждого свои обязанности. И самая важная из этих обязанностей — у обоих — перепроверка друг друга. Перепроверка, вызванная необходимостью обеспечить стопроцентную безопасность движения. «Вижу зеленый»,— говорил машинист. «Вижу зеленый»,— как эхо, отдавалось в кабине — это отвечал помощник. И каждый знал: что бы ни случилось, их двое.

Теперь машинист должен попытаться вести поезд «в одно лицо», то есть без помощника. «Вижу зеленый»,— скажет он. «Вижу зеленый»,— обязан перепроверить сам себя.

В локомотивном депо Инское, где работают Молокоедовы, новый порядок установлен с июля для экспериментальной проверки.

А сами Молокоедовы сейчас не водят поезда. И Надежда Ивановна и Михаил Иванович работают на резервных, маневровых локомотивах. Их задача — подготовить машину к выходу на перегон. Но теперь эта задача станет в десятки раз сложнее и во столько же раз ответственнее. Раньше у поездного машиниста была возможность самому проверить электровоз перед выездом. Теперь такой возможности не будет: чересчур велика нагрузка в пути. Значит, «резервные» машинисты отныне должны готовить электровоз к выезду с величайшей тщательностью.

Конечно, Молокоедовы беспокоились не о себе: свое дело они знают отлично. Но оба в свое время водили тяжеловесные поезда — он машинистом, она помощником. Поэтому знают, как туго иногда приходится машинисту в рейсе.

— Сначала новый порядок покажется трудным, необычным,— говорит Надя,— но ведь рано или поздно это должно было произойти. В сущности, это и есть разделение труда. То самое разделение,— Надя улыбнулась (она неплохо знакома с Марксом),— которое дает высшую производительность труда. И, по-моему, самые главные трудности тут отнюдь не технические...

— Психологические,— говорит Миша.

И это действительно так. Мы видели в депо такое объявление: «Сегодня — собрание жен локомотивных бригад». Речь шла, разумеется, о собрании жен машинистов и помощников машинистов. На повестке дня стоял тот же самый вопрос — как им, женам, вести себя в новых условиях работы.

— Как же?— предваряя собрание, спрашиваю я.

— Создать условия,— говорит Миша.— Важно для машиниста настроение, с которым он выходит в рейс.

И он рассказывает — серьезно так, а глаза лукавые,— как жена одного машиниста усомнилась в тяготах его ночного рейса.

— Что делать? Посадил супругу в электровоз. Ночью довез ее до депо Чулымская. Жена есть жена,— усмехается Миша.— Понимаете, она заснула. Муж разбудил ее, когда вернулись в Инское. С тех пор она всегда говорит: «Обязательно поспи перед рейсом».

...В комнате висят две картины. На них — заснеженные горные вершины, голубое небо, солнце. Автор — Миша Молокоедов. Рисовать он начал давно, еще когда учился в ЖУ — так называет Миша железнодорожное училище. Сейчас он хочет поступить в заочный художественный техникум.

На столе семейные альбомы. Фотографии в них похожи одна на другую. Как и на Мишиных картинах: горы, голубое небо, солнце. На обложке одного из альбомов надпись: «Жизнь свою посвящаю альпинизму». Это обещала восемнадцатилетняя Надя. И до сих пор горы и альпинизм остались страстным увлечением Молокоедовых. Впрочем, альпинизм не единственное Надино пристрастие. Она учит своих и соседских детишек фигурному катанию, отлично водит мотоцикл...

А потом Надя показывает нам депо. В переплетениях рельсов, до блеска отдраенных колесами электровозов, сверкает солнце. Электровозы медленно ползут по путям, вздрагивают на стрелках, издают короткие басовитые гудки.

Прошли мимо белого безводного фонтанчика — по идее вода должна литься в нем из гипсового осетра. (Осетра лепил Миша, и местные остряки поговаривают, будто осетр этот смахивает на щуку.) Два мотоциклиста в железнодорожной форме описывают круги на крошечной площадке между путями. На каждом повороте они старательно отводят руки в сторону: учатся ездить. Надино влияние: это она несколько лет назад показала мужчинам пример, приехав в депо на мотороллере.

Мы прощаемся с Надей Молокоедовой. Она поднимается в кабину электровоза. Теперь ей разговаривать некогда. Пантограф поднят. Надя поворачивает ручку контроллера. Электровоз медленно выезжает из депо.

...Свое, новое, самим увиденное

К. МАСЛОВА

У каждого подлинного художника свое видение мира, своя манера его выражения, свой стиль, и именно поэтому каждый художник находит своих почитателей. Одним зрителям более близка манера и духовный мир одного мастера, другим — другого.

«Стиль в живописи,— писал Стендаль,— это особая манера каждого мастера, свойственная только ему одному, говорить одни и те же вещи.

...Выбор красок, способ наложения их кистью, распределение теней, некоторые детали и т. д. усиливают стиль рисунка».

Сегодня на нашей вкладке воспроизведены работы пяти живописцев, разноликое творчество которых было представлено на выставке Академии художеств СССР.

При едином высоком мастерстве каждое произведение наполнено своеобразным ощущением, самобытными жизненными наблюдениями, своей красотой.

Творчество Василия Прокофьевича Ефанова занимает значительное место в советском искусстве. Ученик Д. Н. Кардовского, преподавателя очень требовательного, по части рисунка особенно, Ефанов всегда большое внимание уделяет портрету — человеку, его состоянию. Ему удается достичь динамики даже как будто в статичных портретах. Многое в композиции зависит от жеста, движения, естественности положения, и художник понимает это.

В произведении «Москвичка» поворот головы, выражение глаз передают душевную устремленность девушки. А звонкие краски, которыми выполнена картина, с успехом свидетельствуют о жизнеутверждающем характере этой юной москвички.

Много работал в портрете и Александр Иванович Лактионов, один из самых наших своеобразных живописцев, чьи композиции всегда поражают тщательностью исполнения и высоким профессионализмом. С его пейзажными произведениями зрители обычно мало знакомы. И очень жаль, потому что Лактионов с увлечением и интересно работает в этом жанре.

Выразительность нового произведения, «Париж. Нотр-Дам», связана с тем, что художник много рисовал и писал на природе.

Тщательно, подробно прописана вода на первом плане, что позволяет в дальнем плане композиции дать более простые живописные характеристики — мост, купа деревьев, дом, собор. Серебристый, прозрачный колорит создает созерцательное, спокойное настроение. И зрителям передается состояние художника, который пришел на берег Сены и залюбовался в этот серый день величественностью прославленного в веках собора, простотой линий моста, парапетов набережной, навеса над ней, лестницы. Этим настроением, наверное, охвачен и пожилой парижанин, заглядевшийся на движение реки.

Четкий ритм в построении композиции одушевляет живая рябь воды, отсветы окон, облицовка набережной, освещенной угасающими лучами солнца, пробившимися сквозь тучи.

Соединение в картине детальной отделки и более обобщенного письма позволяет Лактионову выразить свое понимание красоты, свое отношение к натуре.

Иной прием письма, иное видение мира демонстрирует зрителям живописец Андрей Андреевич Мыльников.

Художник-монументалист, чьи мозаичные панно ленинградцы видят на станциях метро, в кинотеатре «Прогресс», в центральном зале Аэропорта, много работает и в станковой живописи.

Он мастерски владеет цветом. Будь то портрет или пейзаж, его живописное решение — это точное сочетание свежих, ясных цветов с тонкими колористическими переходами.

«Веранда»— произведение, созданное восторгом, охватившим художника.

Обаятельный облик молодой матери, ребенок в белых пеленках как будто написаны солнечным светом. Сочная, яркая гамма зеленых и красных цветов создает удивительное ощущение радости и покоя...

В картине «Веранда» свое внимание мастер особо пристально сосредоточивает на портрете матери. Она очень трогательно, нежно и еще немножко робко держит свое дитя. Ее фигура, лицо прописаны художником небольшими мазками. А вокруг буйное ликование цвета, и зелень сада, и цветы в вазах, и солнечный свет — все написано удивительно свободно, раскованно. И в этой манере и в композиции отчетливо видно своеобразие живописца.

У Мыльникова нет постоянного приема письма: в зависимости от темы он выбирает и характер своего живописного почерка.

То он пишет, определяя четкий контур рисунка, то при свободных, легких мазках контур мягко растворяется. Его живопись бывает энергичной, резковатой, плотной, бывает и лирически мягкой, прозрачной.

...Во внутреннем смысле живописного произведения, в широком поэтическом обобщении видит Семен Афанасьевич Чуйков красоту в искусстве.

Сам живописец утверждает: надо изображать только то, что хорошо знаешь. В этом случае художник видит в жизненном явлении больше, чем другой человек. Тогда можно сказать, что это не просто срисовано с натуры, а создан впечатляющий художественный образ.

Чуйков родился в городе Пишпеке, Туркестанского края, сегодня это Фрунзе, столица Киргизской республики.

В детские годы Семена Афанасьевича природа была единственным его наставником в искусстве. А потом книги, которые он прочитал в школьной библиотеке, и прежде всего поэзия Лермонтова, подсказали то, что только еще ощущал будущий художник.

Писать маслом Чуйков начал самостоятельно. Палитра — кусок стекла, самодельный фанерный ящик для красок, а вместо холста кусочки старой клеенки.

— Кто знает, может быть, чем беднее, неказистее быт, тем сильнее тяга к прекрасному и высокому?— рассказывает Семен Афанасьевич.— Во всяком случае, у меня это было так. От нищенского, скудного и убогого окружения я стремился уйти куда-нибудь и в одиночестве немедленно забывал о нем, а созерцание вечно юной и прекрасной природы наполняло меня ощущением счастья.

Для Чуйкова навсегда становится самым главным внимательное изучение натуры и поиск предельной пластической выразительности в живописи.

Чуйков, народный художник РСФСР и Киргизской ССР, верен своей теме — Киргизии, он знает ее жизнь, ее цвета. И каждая новая работа — это новое открытие для себя оттенков ее гаммы, настроения ее людей.

«Живая вода»— полотно из нового цикла «У нас в Киргизии». Этот маленький кусочек земли и ребенок, застывший на солнце около воды,— тоже поэтический рассказ о республике. И здесь, в этой композиции, Чуйков прекрасно владеет гармонией цвета, системой сочетаний красок.

На вопрос, что такое художник, Семен Афанасьевич Чуйков отвечает так: «...художник — это прежде всего тот, кому есть что сказать — сказать что-то свое, новое, самим увиденное в жизни, самим выношенное и осмысленное, может быть, выстраданное, не похожее на то, что уже было сказано до него другими художниками, никем до него не замеченное, не понятое так, как увидел и понял он.

Правильно говорят, что каждый подлинный художник создает свою красоту».

У каждого мастера есть свой излюбленный мотив в искусстве, и если для Чуйкова это горы, то для заслуженного деятеля искусств Латвийской ССР Эдуарда Калныньша это — море. Он охотно пишет Балтийское море, Рижское взморье, побережье, яхты, рыбаков.

Живописец ощущает и передает ритм волн, умеет предельно далеко написать горизонт, где сливается небо и вода, и все это глубокое пространство наполнить влажным, солоноватым морским воздухом. Калныньш стал основателем в живописи Советской Латвии жанра марин. Эпический пафос его произведений воспевает суровые взаимоотношения человека и стихии. Это рыбаки, собирающиеся в море, борющиеся с волнами, моряки на маневрах...

Полотно «На Рижском взморье» по настроению, может быть, и несколько неожиданно для творчества Калныньша. Но здесь та же любовь художника к морю, то же великолепное мастерство в письме его. И в этой картине, где изображен как будто спокойный пейзаж, нет покоя. Необычность освещения создает напряженное состояние, и хоть море тихо, у зрителя из-за тревожного колорита остается ощущение ожидания чего-то необычного.

В своих картинах Калныньш умеет отбросить все лишние элементы, все второстепенное и оставить лишь самое главное — лаконичный, точный образ природы.

Его пейзажи — это не просто зарисовка определенной местности. Они всегда несут мысль, идею, и передает их художник с помощью настроения, которое умеет создать своей живописью.

Полнота искусства возникает в результате разных манер, разных вкусов, разных почерков различных художников. И только такое искусство может образно и художественно запечатлеть жизнь своих современников.

Copyrighted material

В. Ефанов. МОСКВИЧКА.

Copyrighted material

А. Лактионов. ПАРИЖ. НОТР-ДАМ.

Copyrighted material

На пороге ЗЕМЛИ

Рассказ

Перетт ШАПОНЬЕР

Перетт Шапоньер родилась в Женеве в 1915 году. Окончила Женевский университет. В настоящее время работает в «Журналь де Женев». Ее последние произведения: «Ты, кого мы любили», роман, 1956 год; «Тихая вода», роман, 1957 год; «Декабрьской ночью», рассказ, 1958 год; Новогодние сказки, 1960 — 1963 годы.

Земля была дикая. Скудная гористая местность с редкими, цепляющимися за скалы деревьями. Адам шел медленным шагом, нагибаясь и срывая одинокие колосья. Собрав небольшой пучок, он сел на камень и начал своими квадратными пальцами тереть колосья о большое шершавое колено. Потом стал сосредоточенно жевать зерна. Птица, сидевшая над ним на ветке, беспокойными глазами наблюдала, как он ест.

Пока Адам ел, к нему в голову темной тропинкой пробралась мысль: «А что будет, если это зерно я посажу в землю?» И, бессознательно, толкаемый непонятной силой, Адам наклонился, сделал корявым пальцем ямку в земле, бросил в неё зерно и, заровняв ямку ногой, стал снова задумчиво теребить колосья.

Там, в Первом саду, были тяжелые золотистые плоды, которые с изумительной сладостью таяли во рту. Там стоял дивный запах, насыщающий лучше всякой пищи. О прекрасный сад, где боль была музыкой, где тишина была лаской, где красоту можно было съесть!.. Адам вздохнул, и птица, испугавшись, улетела.

За скалами поднимался к небу маленький дымок. Он поднимался, а потом опускался клочьями, словно отчаявшаяся молитва. Там прятался шалаш, который Адам построил с величайшим трудом, когда заметил, что на Земле ночи холодные. Там, ударяя камнем о камень, он добыл огонь. Там Ева родила своего первенца, родила в таких муках, что Адам убежал, заткнув уши.

Ева — его погибель и утешение, его утрата и радость. А она между тем совсем не казалась несчастной. Бывали дни, когда она даже пела. Может быть, она забыла этого страшного ангела и огненный меч, которым он прогнал их на Землю. Адам закрыл руками глаза и зарычал, как усталый зверь.

— Почему ты грустный, Адам?

Подошла Ева. На ней была туника из листьев, которая колыхалась при каждом движении ее покатых бедер. «Вот любопытно,— подумал Адам,— как только она начала закрывать свое тело, так мне все время хочется его видеть и касаться рукой». Она присела на камень рядом с ним. Ее длинные спутанные волосы пахли дымом, горящими дровами, очагом.

— Маленький Каин становится все злее и злее,— сказала она с нежностью.— Он укусил мне грудь. Как странно, Адам: чем злее он становится, тем больше я его люблю.

— Ты оставила его одного?— спросил Адам.— Ты же знаешь, какие здесь кровожадные звери.

— Его стережет собака,— ответила она.— Некоторые звери дикие, а другие стали нас защищать. Во всем должно быть равновесие.

Адам сидел мрачный. Ева прижалась к его широкому обнаженному плечу.

— Почему ты грустный?

— Потому что я вспоминаю,— медленно ответил Адам.— Наши воспоминания — это наше наказание.

— Ты вспоминаешь о том, что... там?

— Да. Как мы были счастливы, Ева!

Она покачала головой.

— Мы были счастливы,— тихо сказала она,— но мы этого не знали.

Он взглянул на нее с сомнением. Вечно у нее были немыслимые, вздорные идеи, которые приводили его в ужас и в конечном счете соблазняли. Перед ней он был слаб. Вот и тот раз, когда ей вздумалось попробовать этот проклятый плод, каких только аргументов она не нашла!.. И против этих аргументов он был бессилен.

Ева положила свою растрепанную голову ему на плечо. Ее светлые волосы вуалью легли на глаза Адаму.

— Раз уж ты все равно думаешь об этом,— начала она,— скажи: ты помнишь вкус плодов оттуда?

— Я?..— Адам заколебался.— Дивный вкус.

— Да, дивный вкус. И больше ничего. А здесь, Адам, у одних горький вкус, у других сладкий. Некоторые вяжут рот, другие нежны. Это куда интересней!

Адам слегка пожал плечами. Его темные глаза глядели в землю.

— Мы никогда не сможем забыть то, что потеряли,— безнадежно проговорил он.— И дети детей наших детей будут помнить об этом. Оно будет спрятано в их сердцах, как шип. И они никогда не смогут вырвать его из души. Поэтому они всегда будут несчастны. Это кара.

Ева потерлась о его плечо хорошеньким носиком. Она улыбалась.

— Что потеряно, то потеряно, Адам.

Он взглянул на светлое лицо, запрокинувшееся у него на плече, и, восхищенный, погладил розовую атласную щеку. Это правда, что там он не знал, как она прекрасна. Она протянула ему губы, и вкусом они напомнили Адаму тот запрещенный плод из Первого сада. Ева положила руку на его широкий лоб.

— Ева...

Он рассматривал в упор ее лицо и вдруг заметил крошечную морщинку, складку, которая пересекала угол века. Он осторожно коснулся ее своим квадратным пальцем.

— У тебя здесь маленькая складочка. Раньше ее не было.

— Это уродливо?— обеспокоенно спросила Ева.

— Не скажешь, что это красиво, но...

Адам покачал головой. Ему хотелось сказать ей, что теперь, после того, как он увидел эту складочку, он думал о ней с большей нежностью. Да, он больше любил ее такую, чем безупречную, как она больше любила Каина, когда он был злой. Но он не находил нужных слов. Он вообще никогда не был силен в красноречии.

— Ева,— прошептал он, ласково гладя эту морщинку на веке,— мне надо тебе кое-что сказать...

— Что?

— Мне кажется... мне кажется, что мы тоже умрем.

Она удивленно подняла глаза.

— Умрем? Ты хочешь сказать, что мы можем умереть, как звери, которых ты убиваешь ударом камня? Как та птица, которую съела собака?

— Да,— с грустью подтвердил Адам.

— А откуда ты знаешь?

— Я не знаю, откуда я это знаю. Знаю — и все. Мы умрем. Ты, и я, и Каин. Когда-нибудь.

— Умереть... — задумчиво повторила Ева.

Адам вздохнул.

— Там,— сказал он,— там мы были бы юными вечно. И у тебя никогда не было бы этой морщинки, Ева...

— Она тебе решительно не нравится!— с гримасой воскликнула Ева.

— Там был мир, жизнь, счастье...

Она закрыла глаза и прижалась к нему.

— Но там мы не знали, что любим друг друга,— прошептала она.— Вспомни, змей сказал, что мы будем, как боги.

— Хороши боги!— с горечью сказал он.

Не слушая его, Ева шептала:

— Только боги знают, что любят. Как я люблю тебя, Адам, с тех пор, как ты несчастен!..

Некоторое время они сидели, прижавшись друг к другу, совсем маленькие в этой тишине. Потом Адам решительно встал.

— Мне кажется, я нашел способ выращивать колосья,— сказал он.— Завтра, Ева, я примусь за работу.

Перевела с французского С. КУЧЕРОВСКАЯ.

Дума

Н. ЗБОРОВСКАЯ

Как знак вопроса,
колючий месяц
Мерцает где-то
в конце дороги.
Как кружева, он лучи развесил,
И сыплет снегом он мне под ноги.
И веет холод
и веет ветер —
И здесь средь вьюги
и здесь средь шума
Одна лишь дума
летит сквозь вечер.
Одна лишь только мечта и дума:
Пусть над землею
снега нависли
И воет вьюга в степях пустынных,
Но пусть не стынут мечты и мысли,
И в сердце нежность
пускай не стынет!

Перевел с украинского И. ХАРАБАРОВ.

Copyrighted material

Перекур.

Пришел плавучий магазин

НЕ ТИХИЙ

А. БОЧИНИН, О. КУПРИН

Старшина В. Ганьшин.

Путеец Сергей Аничкин.

Мы плывем по Оке на катере и выбираем глухой речной полустанок, который давно уже нарисовали себе в воображении. Плывем уже пятый час. Солнце на исходе. И вдруг там, где река делится на два русла, за семафором, под обрывом, поросшим вековыми дубами, пять домиков за аккуратными палисадниками. Белые и красные бакены на стеллажах из толстых бревен. Русоволосый мальчишка машет нам рукой. А на противоположном берегу стадо черно-белых коров. Там горит костер и доярки поют песню про Ангару.

И вот мы живем в одном из пяти домиков. Белынская Прорва — так называется это место. Мы узнали о нем впервые здесь, зато капитанам речных судов оно наверняка хорошо известно. Трудный участок, коварный и капризный. Пять домиков принадлежат обстановочному участку № 8. Три десятка человек обслуживают 37 километров Оки, указывают путь всем кораблям, большим и маленьким, что идут мимо. И ни один не останавливается здесь. Даже для речников, проплававших много лет по Оке, обитатели пяти домиков остаются добрыми незнакомцами. Конечно, если кто-то сядет тут на мель или случится другая какая-нибудь неприятность, то знакомство произойдет. Но в том и состоит работа путейцев, чтобы всегда оставаться неизвестными, чтобы на участке никогда и ничего не случалось.

Василий Никифорович Ганьшин тут самый главный начальник — путевой мастер и старшина катера. Мы поселились в его конторке. На столе рядом с батарейным приемником «Родина» лежат подшитые приказы и инструкции. Тут же горкой — участковая библиотечка. Книги потрепанные, зачитанные до дыр.

Ганьшин — личность в здешних местах в известном смысле историческая. Должность, которую он занимает, связана, кроме всего прочего, с семейной профессией. А дело вот в чем. Ока в этом месте делает большую петлю — километров пятнадцать, а если суда пойдут по прямой, — всего четыре. И как раз в самом узком месте было озерцо. Дед Василия Никифоровича прорыл канал из озера в реку. С тех пор это место называется Прорвой. Старое русло со временем обмелело, Ока устремилась по новому — короткому, узкому, бурному. Поэтому народу тут работает больше, чем на других участках. Ганьшин-внук теперь исправно несет службу на семейном отрезке реки.

Нет, вовсе не тихое это хозяйство — тридцать семь километров Оки. Створные, перевальные, ходовые знаки. Сигнальные мачты. Семафоры. Бакены, которые, правда, не надо ездить зажигать каждый вечер, но которые надо за навигацию несколько раз переставлять, потому что вода убывает и прибывает, а в социалистическом обязательстве записано: «Обеспечить гарантийную глубину на обстановочном участке № 8 180 сантиметров». А еще несколько раз в день нужно промерить глубину на перекатах, чтобы было не меньше обещанного минимума. Короче говоря, работа идет круглые сутки, и круглые сутки ходит вверх и вниз небольшая самоходка путейцев. Погас бакен — заменили лампочку. На перекате стало наметать песок — вызвали земснаряд. Чтобы на пути кораблей не было топляков, коряг, разного мусора, протралили все тридцать семь километров.

Ночью, когда мы с путейцами несли очередную вахту и самоходка не торопясь шла своим обычным рейсом, мы спросили путевого мастера Сергея Аничкина:

— Какие все-таки события у вас тут бывают?

— Да ничего выдающегося,— улыбнулся он.— Весной бакен сорвало. Битый час его по кустам искали. Вот вам и событие.

Навстречу торопится теплоход. Двухпалубный, пассажирский. Из Москвы в Горький. Проплыл важно, с достоинством, уверенно. Поморгал нам каким-то фонарем. Слышно, как ровно работают его двигатели.

Наша самоходка стала. Огонек на одном бакене не горел ровным светом, как положено, а мигал. Михаил Алексеевич Родин, бывший бакенщик, а теперь путевой рабочий, прыгнул в лодку, что привязана к самоходке, и поплыл к белой мигающей пирамидке. Сменил аккумулятор. И снова в путь.

Московский теплоход исчез в темноте. Там по-прежнему ровно работают двигатели, штурвальный держит курс на огни, которые мы только что проверили. Мы не спим целую ночь, чтобы «москвич» шел спокойно и уверенно.

— Впереди огоньки видите? — Это Аничкин спрашивает нас из рубки.— Магазин плывет. На соседний участок. Утром у нас будет. Знает свое время. Завтра получка.

Магазин проплывает мимо и тоже моргает нам фонариком.

Утро мы встретили на берегу у пяти домиков. Солнце поднималось медленно, лениво. Стайка гусей потопала к воде, выстроилась рядком, чинно пьет воду, запрокидывая головы. На том берегу вокруг дремлющих еще коров с лаем носится собака — будит на утреннюю дойку. Ганьшин на самоходке выдает зарплату. К причалу пришвартовался плавучий магазин. Гудками скликает покупателей.

Из-за поворота показался теплоход. Несколько сонных пассажиров на палубе, и целая ватага мальчишек машет им с берега.

«Иволга».

Песня про Ангару.

Речная пастораль.

УГОЛОК...

Так провожают пароходы...

Аникита с муз

Виль ЛИПАТОВ

Рассказ

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

I

торой вызов в больницу дядя Аникита получил двадцать пятого июня, совершенно случайно, когда, шляясь по своей пенсионной незанятости, невесть с чего присел на скамейку возле чужого дома. Здесь и настиг его нарочный из больницы.

— Иди, иди, куда пошел!— было прогнал его дядя Аникита, но нарочный, вручая повестку, внушительно сказал:

— Завтра ровно в девять, обязательно!

Нарочный помахивал папочкой с тесемками и был как назло сыном Феньки Волковой.

— Без опозданий, дядя Аникита! — еще раз предупредил он.— Хирург осердится!

Он пошел, помахивая своей папочкой, а дядя Аникита порвал бумагу в мелкие клочки и со свирепостью посмотрел вслед нарочному. Так как он был сыном Феньки Волковой, то дядя Аникита подумал: «Поди, Фенька тоже знает, что меня второй раз в больницу кличут?» Он повозился на скамейке и так осатанел в злости к самому себе, что захотелось вдруг стукнуть себя по седой башке. «Коровья жижа, овечий хвост!» — подумал он.

Ветер разнес обрывки повестки в разные стороны, и дядя Аникита вдруг пожалел, что не прочел ее. Может быть, там было сказано, зачем вызывают его в больницу второй раз, чего это надо от дяди Аникиты районному хирургу — человеку сердитому и грозному. Дядя Аникита его хорошо знал, так как рубил районному хирургу дом. «Этот зазря второй раз не вызовет!» — подумал дядя Аникита, хотя считал, что в первый раз его вызывали беспричинно.

Неделю назад районный хирург, встретившись с дядей Аникитой в магазине сельпо,— тоже, видно, брал водку! — принародно ухватил его за рукав:

— На ловца и зверь бежит! Завтра утром быть в больнице! Понятно?!

Глаза у него были черные и злые, голос гудел, словно хирург говорил из пустой бани, а пальцы были хоть и тоненькие, крепость в них была мужичья. Потому дядя Аникита назавтра оказался в больнице, смущенный и немного растерянный. От этого он злился и топал ногами громче обычного.

— Ага! Пришел! — грозно обрадовался районный хирург.

— Давай просвечивай! — тоже обозлился дядя Аникита.

Его пихнули в темную комнату, где горел только красный фонарик и было смурно, как в чужом окопе; потом велели раздеться до пояса, и, раздевшись, он почувствовал себя так одиноко и безнадежно, что поежился, словно от холода, хотя в комнате была жарища. «Ведь они меня будут насквозь глядеть!» — подумал дядя Аникита и тут же удивился: обочь его вдруг раздался тоненький женский голос:

— Пациент, встаньте в аппарат!

Значит, кроме районного хирурга, в комнате была еще женщина, по голосу молодая и белобрысая.

— Которая там попискивает, я тебя должен видеть или нет? — строго спросил дядя Аникита.— Разве это порядок, что тебя насквозь глядят, а ты того человека и вприглядку не видел!

— Потом посмотрите! — прохрипел районный хирург.— Топайте ко мне!

Ведомый за руку районным хирургом, дядя Аникита в темноте куда-то полез, за что-то задел головой, пребольно ударившись, а потом и вовсе застрял голыми плечами в холодных железинах.

— Ого! — сказал районный хирург.— Он не входит в аппарат!

— Уберите скамеечку из-под ног! — пропищала врачиха.

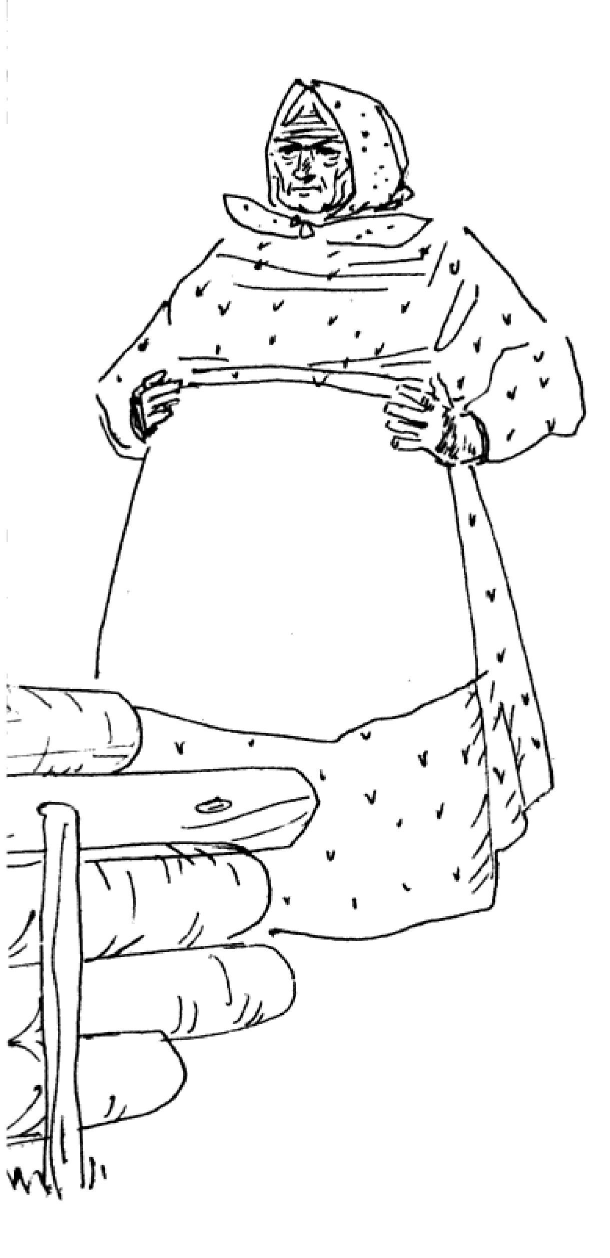
— Скамеечки нет! — ответил хирург.— Он и в ширину не входит!

— Феноменально!

Они что-то раздвинули и подняли; врачиха смеялась кудахтающим смехом, районный хирург ругался басом, и дядя Аникита окончательно вышел из себя.

— Просвечивайте! — зашипел он.

Вспыхнуло, зажужжало, задвигалось; непонятный холодок пронзил дядю Аникиту насквозь, а может быть, это показалось, но он почувствовал, как у него что-то шевельнулось в груди и затрепетало, и вдруг так стало жалко себя, что он подумал: «Пропал я!»

ЫКОЙ

— Надо сделать снимок! — распорядился хирург.

«Чего хотите делайте!» — в ответ подумал дядя Аникита и с этой секунды стал ко всему безразличным. Они его еще долго вертели, ставили так и эдак, что-то говорили меж собой, но дядя Аникита и слышать ничего не хотел. Приглядевшись к темноте, он увидел на стенке плакат с крупными буквами, из которых получилось слово «мух». Это показалось ему почему-то очень обидным, и дядя Аникита даже и думать ни о чем не стал.

Когда зажегся свет, дядя Аникита натянул махом две рубахи — верхнюю и исподнюю, не слушая по-прежнему оживленного разговора хирурга с врачихой, незаметно вышел из комнаты и быстро зашагал домой молодым ельником. «Овечий хвост!»— думал он о районном хирурге. День был солнечный, прозрачный; долетывал в воздухе тополиный пух; матово светилась на горизонте Обь. «Ах, ах, овечий хвост!» — ругался дядя Аникита.

Сегодня его вызвали в больницу вторично, и нарочный — Фенькин сын! — говорил с дядей Аникитой настырно, и сам дядя Аникита не может понять, зачем он сидит на лавочке возле чужого дома. «Смурной я какой-то! — подумал дядя Аникита.— Бескостный, как рыба стерлядь!» Очень собой был недоволен дядя Аникита и, посмотрев на улицу, еще насмешливей скривил губы: «Не дома, а собачьи будки!»— хотя половину из них рубил сам.

Сердитый он был очень, и когда в таком настроении пришел домой, то калитку за собой затворил так ожесточенно, что четыре пса от нервности стали повизгивать.

— Молчать! — сказал им дядя Аникита.

Как раз в этот момент вышла на крыльцо законная жена Евдокия и встала подбоченившись.

— Дела нет? — спросил дядя Аникита.

— У того дела нет, кто шляется, где попадя! — ответила жена Евдокия.— Опять из больницы приходили.

— Это мы знам!

Ей, законной жене Евдокии, было под семьдесят, но ничего такого старушечьего в ее фигуре не было. Как была круглая и задастая, так и осталась; лицо у нее, однако, очень переменилось: оно тоже раньше было круглым, но теперь из-за морщинистости сделалось вдвое меньше прежнего и тонуло в седых волосах. Глаза, и без того большие, как у совы, теперь с лица смотрели совсем по-птичьи, так как в них с годами образовывалась все большая непрозрачность. Это жена Евдокия к старости становилась сильно дальнозоркой, и когда смотрела на человека, то казалось, что проглядывает его до позвоночника.

Сейчас жена Евдокия тоже посмотрела в глубь дяди Аникиты и сказала ядовито:

— Фенькин сын приходил!

— А из этого что следовает?

— Что ты кобель проклятый — вот что следовает!

Дядя Аникита сложил губы дудочкой и свистнул.

— Ты на этой ревности с ума свихнулась! — сказал он.— Сойди с моих глаз!

— Кобель проклятый! — опять сказала жена Евдокия.

— Сойди с моих глаз!

Тогда жена Евдокия сняла руки с бедер и начала махать ими перед носом дяди Аникиты.

— Я те сойду! Бьешься как рыба об лед, а тут Фенькины сыновья приходют! Кабанчик загородку прервал и в Марфин игород сигanул, игурцы второй день не политы, картошка в подполе ростки пускат, Андрюшка себе губу своротил... Да пропади все пропадом, чтобы я хуть каку заботу имела! Да пущай оно все на извод идет, если я пальцáми пошевельну! Да пущай хуть обои губы сворачивают, чтобы я сердцем с этого заходилась! Да пущай...

Жена Евдокия стала наворачивать одно на другое, с каждым словом распалялась, как костер на ветру, и, услышав такое, дядя Аникита вздохнул, сел на крыльцо и склонил голову набок: так ловко было слушать законную жену Евдокию. Однако он посмотрел на загончик, где обретался кабан, и увидел, что он преспокойно лежит на месте. «Только одно интересно,— подумал дядя Аникита,— как это Андрюшка себе губу своротил?»

— В тебе регламент кончается? — спросил он, заметив, что жена Евдокия пошла на убыль.— Я, что ли, игурцы поливать стану! Полон дом баб!

Дядя Аникита встал и пошел в дом, построенный интересно — сначала это была обыкновенная пятистенка, потом к ней дядя Аникита пристроил загогулину, потом еще загогулину, а потом уж соединил эти загогулины так, что дом вышел здоровенный и запутанный.

Дядя Аникита сперва вошел в сенцы, просторные, как клуб в иной захудалой деревне, здесь он снял с ног большие чирики и остался в белых носках из овечьей шерсти. Только тогда он отворил дверь в первую комнату. Здесь сидела невестка Зинаида, сложив тяжелые руки на коленях. Лицо у нее все было в коричневых пятнах: ходила беременной; живот из-под пестрого фартука выступал горой. Он, Зинаидин живот, немного кособочил, и дядя Аникита подумал с удовольствием: «У этой опять мальчишенка будет!»

— Сиди, заседай! — сказал он Зинаиде.— Если увижу, что игурцы поливаешь, всем мало не будет!

Во второй комнате невестка Ираида гладила белье, так как вчерашний день все бабы занимались стиркой, сегодняшним утром ходили на речку полоскать, и перед Ираидой была гора белья. Потому дядя Аникита прошел мимо Ираиды молча.

В третьей комнате невестки Елизаветы не было. Удивления это для дяди Аникиты не составило, так как Елизавета была баба шляющаяся, и дядя Аникита сразу сообразил, что она ушла шептаться с невесткой Валентиной. Потому он прошел насквозь третью комнату и завернул в первую загогулину. Здесь и жила невестка Валентина, которая, будучи директором средней школы, вела себя до такой степени гордо, что просила, чтобы дядя Аникита стучал в ее комнату не только ночью, но и днем. У ее дверей дядя Аникита свирепо повел бровями, но постучался.

— Войдите! — послышался красивый голос Валентины.

Елизавета вправду сидела здесь; увидев дядю Аникиту, она потупила серые глаза, и он подумал: «Это не баба, а сплошная наказания!»

— Где Андрюшка? — строго спросил он.

— На дворе, а что?

— Он губу своротил?

— О боже!—пренебрежительно сказала Валентина и повела налитыми плечами.— Обыкновенная царапина!

Невестку Валентину дядя Аникита уважал и поэтому сказал особенно строго:

— Вострите лыжи игурцы поливать!

— Польем, когда кончим разговор! — спокойно ответила невестка Валентина.— Через десять минут.

Пятой невестки, Розы, цыганки по крови, дома не было, потому дядя Аникита сразу пошел во вторую загогулину, где обреталась временно самая чудная его невестка, Лариса. Жила она в их семье всего второй месяц, и случилось это по той причине, что сын дяди Аникиты Федор, какой-то тайный инженер, уехал в длительную командировку. В большом городе оставить молодую жену он остерегся и телеграммой испросил отца о согласии принять на три месяца Ларису.

Встречать к пароходу городскую невестку вышла вся семья, и дядя Аникита, увидев ее, сразу затосковал: ничего бабского в ней не было, помимо этого, на носу бабочкой сидели очки-пенсне, а шла она по трапу так чудно, как ходили японки на своих сплющенных ножках. Японок дядя Аникита видел в русско-японскую войну. Однако характером невестка понравилась дяде Аниките: была ласковая и тихая. Через неделю дядя Аникита сказал ей:

— Ты баба неплохая, только надо тебе тела набрать. С завтрего дня вдарюсь я в рыбаловку, зачнем тебя исетриной кормить. С исетрины ты и очков лишишься. По радио передавали, что от рыбьего жиру близкорукость проходит. Я сильную надежду на это дело имею!

К невестке Ларисе дядя Аникита тоже постучался, хотя она об этом никогда не просила. Сидела Лариса, как всегда, с ногами на стуле, бледная оттого, что читала.

— Иди игурцы поливать! — мягко сказал дядя Аникита.— Тебе воздух нужон!

Copyrighted material

— Спасибо! — поблагодарила неизвестно за что Лариса.— Разрешите, я дочитаю несколько страниц.

— Дочитай! — ответил дядя Аникита и, улыбаясь, вышел из комнаты. Ему было смешно за сына Федора, который поостерегся оставить в городе Ларису.

Вернувшись в сени, дядя Аникита надрючил чирики и подошел к жене Евдокии, которая все еще стояла на крыльце. Вид у нее был задумчивый, и дядя Аникита сказал тихо:

— Бабы сейчас выйдут игурцы поливать!

— Я их уже полила! — ответила жена Евдокия и вздохнула.— Это уж так и клади, что Зинка без Николая родит! Рази он успет приехать из командировки! Тебе когда в больницу?

— Утресь.

— Я чисто белье на сеновале положила, переоденься, не то от портянок на всю деревню дегтем вонят. Ты хуть щиблеты надрючь!

— Может, еще шляпу надеть?

— С тобой разговаривать у меня сердца не хватат!

Слова у жены Евдокии были ругательные, но голос тихий и добрый. Они все стояли друг против друга на крыльце. Солнце, хотя и шло уже на убыль, к серебристым тополям, светило еще ярко, старательно. Ветер поддувал под распущенную рубаху дяди Аниките, телу от этого было ласково, словно кто поглаживал нежно по коже. Над Обью, видной в просвете деревьев и домов, толклись солнечные лучи; было настолько тихо, что послышалось, как на дальней старице Оби тревожно гуднул буксир. Это отдалось и затихло в тальниках, но тревога осталась в густом воздухе. Буксиру, наверное, было одиноко, трудно буровить встречный стрежень.

«Районный хирург, овечий хвост! — подумал дядя Аникита.— Это зачем же он меня второй раз вызыват в больницу?»

— Стою, как дура,— сказала жена Евдокия,— а в доме квашонка поспела!

2

Из больницы дядя Аникита вернулся в полдень. Жена Евдокия, словно зная, что вот именно сейчас он войдет во двор, стояла на крыльце, сложив руки на груди. Он еще и калитку не прикрыл за собой, как она спросила низким голосом:

— Чего сказали в больнице?

— Ничего! — ответил дядя Аникита и, мерным шагом пройдя весь двор, сел на бревна возле бани. Он трубно высморкался. Одетый в белую рубаху из иностранного полотна, в фасонистых брюках, но в чириках, за версту пахнущих дегтем, походил он на человека, приехавшего погостить и вот присевшего на бревна, чтобы полюбоваться деревенской жизнью. Жена Евдокия внимательно смотрела на него.

— Это чего же делатся? — тихо сказала она.

— Ничего! — в сердцах, но тоже негромко ответил дядя Аникита.— Они, язвы-холеры, по-иностранному болтали. А районный хирург как пошел провожать, то говорил про то, что надо ноги в сухе держать.

После этих слов жена Евдокия сошла с крыльца и медленно двинулась к дяде Аниките. Совиные глаза ее глядели изумленно.

— Это как же ноги в сухе держать, если ты все время в обласке да по камышам шаришься! — тонко закричала она.— Это ведь сдуреть надо такое говорить!

— Им заказ на слова не сделашь! — усмехнулся дядя Аникита.— Потом районный хирург сказал про то, что мне надо в больницу за два месяца раз приходить.

— Раз на два месяца! — охнула жена Евдокия.— Так и сказал?

— Врать буду!

Жена Евдокия села на бревно рядом с дядей Аникитой, сложила руки на груди; лоб от думания у нее совсем сморщился, а смотрела она в ту самую далекую даль, до которой нормальным глазам не добраться. Размышляла она, наверное, минут пять, потом тихо-тихо спросила:

— Чего же это, Аникитушка, может означать?

— Холера их знат!

— А ты бы спросил!

— Этого еще не хватало!

Дядя Аникита сердито засопел и рывком распахнул ворот рубахи: душила она его. Был один из самых жарких дней июня, солнце палило, как на юге, и непривычный к жаре от солнца дядя Аникита обливался пóтом. Жена Евдокия приметила это и догадливо проговорила:

— Потеешь, как молодая девка. Может, у тебя сердце, как у меня, заходится?

— Этого еще не хватало!

Жена Евдокия все пристальнее смотрела на дядю Аникиту, в дальнозорких ее глазах словно что-то перемещалось, уходило; пальцами она равняла оборку на длинной юбке, и пальцы у нее были беспокойные, торопливые.

— Ты весь какой-то несподручный, Аникитушка! — наконец вздохнула она.

Дядя Аникита сидел неподвижно. В белой рубахе он был чужой и далекий, по-прежнему похожий на залетного гостя. На слова жены он сначала ничего не ответил, потом же помотал головой и саркастически улыбнулся. Непонятное выражение было на его лице, продубленном и черном от загара,— и печали не было, и радости не было, и спокойствия не было, и беспокойства большого не было. Глядел он, как и жена Евдокия, в далекую даль, и губы шевелились, словно он шептал что-то.

— Оставь ты меня на спокое! — наконец сказал дядя Аникита торжественным голосом, сделав при этом такой жест рукой, точно благословлял жену.— Иди по своим делам и заботу свою адскую уйми. Должен я о себе на просторе подумать!

Говорил дядя Аникита напевным, церковным слогом,—откуда это у него взялось, понять было нельзя, так как в церкви он отроду не был, и жена Евдокия, оробев от такой несообразности, пошла прочь от него сторожко, чуть ли не вздымаясь на цыпочки. На крыльце она, однако, остановилась, каменно замерев, но руки уперла в бока. Только этим она и выразила противление мужевой необычности.

— Иди, иди! — сказал дядя Аникита.

Еще немного посидев, дядя Аникита медленно пошел к сеновалу, забрался по зыбкой лесенке к маленькой, похожей на лаз двери. Пыльные лучи пробивались сквозь неплотные доски, схватывающий горло дух шел от сухого сена, мышиные и амбарные запахи висели возле кирпичной трубы. Кавалерийская попона со звездами лежала под слуховым окошком, валялись растрепанные книжонки. Дядя Аникита со злостью сорвал с себя обе рубахи, оставшись голым до пояса, сладко передохнул воздух, как расседланная лошадь.

Городской моды загорать на солнце дядя Аникита не имел, и потому он был весь белый, гладкий, хотя под кожей перекатывались мускулы. С чего у него была эта гладкость в теле, как у женщины, хорошо и сладкó кормленной, он знать никак не мог, но этой своей гладкой нежности на людях стыдился.

Дядя Аникита медленно опустился на попону со звездами. Он не понимал сам себя, но чувствовал, что бродит в нем важное, как бродит в бочке крепкая брага; мелькали перед глазами картины и смутные видения, наползали отдаленные голоса, точно за тонкой стенкой разговаривали люди. В глазах мельтешили красные круги, руки и ноги поднывали, и покалывало под ложечкой, в том самом месте, к которому районный хирург несколько раз прикасался холодными, колкими пальцами. Казалось, что пальцы прикасаются до сих пор, и дядя Аникита подумал: «Не зря их учут! Самое больное место, коровья жижа, нащупал!»

Сунув руку под подушку, дядя Аникита вынул транзисторный радиоприемник «Спидола». При этом он смущенно улыбался, на приемник смотрел искоса, отстраненными глазами. Радиоприемник подарил ему сын Федор — тайный инженер, и дядя Аникита сначала помирал от смеху, потом же к приемнику пристрастился до невозможности: брал его с собой на рыбалку и на охоту и дошел до такой степени, что без него и жить не мог. Свое пристрастие к транзистору дядя Аникита держал в глубокой тайне, но старики-сверстники его как-то засекли, и с той поры по деревне и поползло прозвище «Аникита с музыкой».

Приемник жил у дяди Аникиты уже больше года, но всегда было тревожно-радостно прикасаться пальцем к гладенькому рычажку, так как постоянно не верилось, что коробочка, которая тихо лежала под подушкой, вдруг запоет или заговорит чистым человеческим голосом.

— Штукенция! — почесав в голове, сказал дядя Аникита.

Он повернул вертушку, нажал на кнопку, и белая коробка печально и ласково запела. Голос у нее был открытый и чистый, тоску свою она выговаривала откровенно, и дядя Аникита медленно закрыл глаза. Ему казалось, что сначала пело сбоку от него, потом запело вокруг, а потом — в нем самом. Дядя Аникита пел весь — от жилки до косточки, все тело тосковало, тревожилось. Виделся ему круглый луг, заросший белыми цветами, ручей, полыхающий в осокорях, и белое солнце над лугом. Дрожала черемуховая ветка, от нее тек волнистый воздух. Тоска схватила дядю Аникиту прямо за сердце, и он быстро открыл глаза.

В слуховое окно глядела на него яркая и веселая звезда. Чуда в этом не было, так как дядя Аникита находился словно бы в колодце, из которого и днем видны звезды, но сегодня лучи веселой и яркой звезды заставили дядю Аникиту зябко поежиться. Он собрался свирепо цыкнуть на самого себя, но вдруг замер: дядя Аникита понял, чтó с ним происходило. «Вота оно что!» — протяжно подумал он.

Дядя Аникита почувствовал, как на его лицо, застывая в морщинах и стягивая кожу, стало надвигаться непривычное, небывалое выражение. Странно было то, что он ощущал свое лицо, но это было так, и дядя Аникита туго сжал рукой щеки и рот. В таком положении он и застыл.

Прошло минут пять.

— Начинаем передачу для радиослушателей Сибири и Дальнего Востока! — вдруг сказал транзистор, разом приглушив музыку.— В сегодняшней программе...

Дядя Аникита вздрогнул и очнулся.

— Коровья жижа! — сказал он транзистору.

На его лице все каменело то выражение, которое он чувствовал, но прогнать не мог.

3

Не останавливаясь в кухне, где жена Евдокия возилась с квашонкой, дядя Аникита крупным шагом проследовал в свою комнату, обставленную узкой кроватью, низким столом и верстаком, на котором валялась всячина. На стене висели шесть ружей разных фасонов, сети, на полках грудились переметы и закидушки, донки и блесны, поплавки из балберы и разные другие ловушки. На столе рядками расположились банки с порохом и дробью, кучкой лежали гильзы, шесть шомполов торчали из специальных отверстий.

Прежнее, самому себе незнакомое выражение было на лице дяди Аникиты, когда он снял со стены старенькую курковку тульского завода. Корявыми, туго гнущимися пальцами дядя Аникита провел по гладкому ложу и подумал: «Тулка, она самая верная!» Он поставил ружье у дверей, взял со стола несколько банок с порохом, дробь, пыжи и мерку — это тоже отнес к дверям. После этого дядя Аникита сел на стул и задумался. Мысль, верно, была напряженной, так как на лбу появились капельки пота. «Правильно!» — наконец подумал он.

Дядя Аникита добавил в кучку капроновую сеть, два ножа — маленький и большой, алюминиевый и медный котелки, небольшой топорик и несколько веревок разной толщины. Потом он еще раз присел на табурет, напряженно раздумывая. «Кажись, все!» — сказал он сам себе и, поднявшись, пошел из комнаты, так и оставив кучку вещей у порога. Шел он тяжеловато-медленно, подминая застонавшие половицы.

В кухне жена Евдокия, покончив с квашонкой, скребла стол острым ножом. Услышав шаги мужа, она распрямилась, поглядела на него, и нож вдруг выпал из ее рук.

— Что с тобой исделалось? — округлив глаза, прошептала она.— Это чего ты опять задумал?

Copyrighted material

Только жена Евдокия могла прочесть на лице дяди Аникиты правду, разглядеть на нем суровое его решение, и когда она шепотом прокричала свои вопросы, а потом кинулась к нему, ни один мускул не дрогнул на лице дяди Аникиты, ничем он не показал слабости. Наоборот, на законную жену Евдокию дядя Аникита смотрел просветленно и ласково.

Если говорить откровенно, то жена Евдокия была бы хорошей женой. Девять сынов и три дочери родила она дяде Аниките, за водку ругалась отчаянно, но без перебору, женскую работу исполняла всегда на чуток раньше загада, мужа и детей держала в сытости, а на бабьи наряды была падка в меру. Одно плохо было в законной жене Евдокии — ее ненасытная ревность. Конечно, дядя Аникита по женской части был не мед, но она доходила до такой лютости, что не обошла ревностью ни одной бабы в деревне, приплетая ему и самых бросовых.

Ревность жены Евдокии была бы меньше чудна, если бы она, находясь еще в бабьем расцвете, сама не поняла бы ее. Однажды душным летом, когда на сеновале все пропахло увядающими ромашками и всю ночь кричала в лесу птичья живность, а осколок месяца висел прямо над головой хмельного от молодости дяди Аникиты, долго смотрела в небо жена Евдокия блестящими глазами, вздыхала протяжно и наконец, обхватив дядю Аникиту прохладной рукой за шею, шепнула: «Тебе, Аникитушка, конечно же, одной бабы мало! Век мне с тобой горевать!»

С этого дня и пошла выделывать выкрутасы ее ревность, иногда до того хитроумная, что дядя Аникита со смеху катался в лопухах. Во всем же остальном свою законную жену Евдокию он уважал и любил. Сейчас дядя Аникита огладил ее ласковым взглядом, затаив в сомкнутых губах нежность, тихонечко отодвинул жену Евдокию в сторону, чтобы не мешала выйти из дома. От его молчания и просветленных глаз она на секунду оторопела, и дядя Аникита беспрепятственно вышел во двор.

Четыре свирепых пса, дрожа от нетерпения, следили за дядей Аникитой красными, как с перепою, глазами. «Собаки тоже чуют!— подумал дядя Аникита.— Это не зазря говорится, что собака — друг человека!» Окруженный псами, он прошел в амбарушку и вынес из нее громоздкий тулуп. Он уложил его на дворе, возле большого нового обласка, и, подумав, принес свое любимое весло. От всего этого псы совсем освирепели, и дядя Аникита уж хотел со всего маху матюгнуться, но осекся: на крыльце стояли законная жена Евдокия и невестка Валентина.

— Аникита Иванович,— строго заговорила Валентина,— нам не безразлично, куда это вы так тщательно собираетесь! Евдокия Петровна беспокоится, да и я, признаться, тоже. Может быть, вы скажете, куда собрались?

Этаким макаром невестка Валентина выражалась всегда, но дядя Аникита все равно уважал ее за твердость характера и прямолинейность.

— Собаки и те понимают! — сумрачно сказал он.— Куда? Собаки и те понимают, что на рыбаловку!

Дяде Аниките казалось, что объяснил он хорошо и откровенно, но жена Евдокия вынырнула из-за спины невестки Валентины и прокричала насмешливо:

— На рыбаловку! А тулуп почто?

— Ночи-то холодные!

— Холодные! — всплеснув руками, удивилась жена Евдокия.— Почто же ты его ране, тулуп-то, не брал?

— Ране?

Дядя Аникита бросил на землю любимое весло, распрямился и тряхнул головой так отрешенно, что его кудрявые волосы, все до единого целые, пошли по лбу и ушам кольцами. Сарказм и смирение, ирония и печаль, вызов и издевка были в его голосе, когда он повторил:

— Ране? Ране-то меня в больницу раз на два месяца не кликали!

После этих слов дядя Аникита, повернувшись, зашагал к калитке, рывком открыл ее. Псы рванулись за ним, но у калитки осели, тонко и жалобно заскулили.

— Вот что делается! — всплеснула руками жена Евдокия.

4

К кому и зачем ходил дядя Аникита, стало известно лишь несколько дней спустя, но вернулся он в девятом часу, медленный и далекий. Он вошел во двор и на мгновение приостановился.

На лице дяди Аникиты была смесь торжественности и печали, раздумья и просветленности. Казалось, что черты лица его заострились, отчего дядя Аникита помолодел; в глазах читалось необычное выражение — что-то иконное виделось в них, потемневших и блестящих.

Тихо-тихо было во дворе. Застыла у летней плиты жена Евдокия, молча сидели за летним обеденным столом сыновья, невестки, внуки и внучки. Все были умыты и одеты, причесаны и ухожены, но еще не ужинали, поджидая дядю Аникиту.

Никло к обским сорам и веретям солнце, пестрела тенями от телеграфных столбов деревенская улица; трава на дворе у корня почернела, словно пролили тушь, и тени, тоже черные, бродили кругом-вокруг, заглядывая в углы и тайнички.

Глупый человек бы понял, что за минуту до прихода дяди Аникиты сыновья, невестки, внуки и внучки судили-рядили о нем, дошли до спора и ожесточения, так как на лице старшего сына, Василия, все еще меркли красные пятна. И стоял над столом младший сын, Владимир, вздернув руку для говорения, в утихающем солнце ярко светилась его белая рубаха. «Большая война была здесь! — подумал дядя Аникита.— Васька-то не умет отбиваться от баб!»

— Помогите матери чугун снесть! — сухо сказал дядя Аникита.— Сидят, как бугаи, а мать корячится!

— Сама снесу! — ответила жена Евдокия.— Они только и умеют, что пролить!

Неся на лице возвышенность, иконность и торжественность, дядя Аникита прошел к столу и сел на свое хозяйское место. Он взял деревянную расписную ложку.

— Снедать надо! — трубно сказал он.

Пятеро сыновей дяди Аникиты, живущие с ним, были широки в плечах и высокорослы, как отец, но лицами походили на мать, хотя были удивительно разными: один походил на мать только глазами и подбородком, другой перенял нос с широкими разводьями ноздрей, третий — лоб и круглые щеки, четвертый — одни глаза, пятый — губы и крутой подбородок.

Слышен был только звяк ложек да жеванье, редкие вздохи да скрипенье немножко расшатанного стола. Человек девятнадцать собралось за столом, и дядя Аникита видел, что сыновья и внуки, невестки и внучки время от времени поглядывают на него с тревогой и любопытством. «Большая война была!» — опять подумал он.

В мисках уже оставалось похлебки на самых донышках, когда старший сын, Василий, тихо и невыразительно спросил:

— Ты, бать, видно, на длинну рыбаловку собрался!

Дядя Аникита нахмурился и ответил:

— Время само скажет!

Снова пророкотали ложки, еле уловимый шумок пронесся над столом, и сказал так же тихо и невыразительно третий сын, Петр:

— Ты, бать, поди, на Квистарь ладишься?

— Чего ему делать на Квистаре!— усмехнулся младший сын, Владимир.—Уж если ехать на длинну рыбаловку, то надо ладиться на осетра. Ты, бать, поди, на Дальни гривы?

— Исетра нынче на Дальних гривах не возьмешь!— сказал после длинной паузы второй сын, Григорий.— На прошлой неделе катером там шел, так весь обзеленел от злости!

— С чего это обзеленел?— спросил Василий.

— А как не обзеленешь, если там сплавконтора бревнотаску поставила. Плотов нагнали — ужасть сколь!

— Ну, тогда он на Солдатски пески!— решил четвертый сын, Семен, кладя ложку на стол.— Там намедни дядя Авросий трех исетров взял!

Смешно это было, все пятеро сыновей у дяди Аникиты были разные: Владимир преподавал физику и математику, Василий плотничал, Григорий был механиком, Петр — агрономом, Семен — геодезистом, но говорили про рыбалку все одинаковыми словами, напевно и медленно. Разговор был длинный, с большими паузами, и, наверное, прошло минуты три после слов Семена, когда Василий сказал:

— На исетра надо пробираться на Дальни осокори!

Когда доели похлебку, жена Евдокия поставила на стол огромную сковородку с картошкой и мясом, несколько мисок с редиской и луком и на этот раз села за стол сама, придвинув к себе остывающую похлебку. Глаза у нее блестели, губы были насторожены.

— Ты бы сказал, бать, куда едешь?— спросил сын Владимир, когда ложки стали поскрипывать по дну сковородки.— На Дальни осокори тебе пути нет, так как ты ружье взял.

— Вона что!— шибко удивился Василий.— Я на ружье-то и не посмотрел!

Дядя Аникита молчал, медленно повертывая пальцами деревянную ложку. Сначала он на нее никакого внимания не обращал, но потом повернул еще раз и вдруг поразился: на плоском черешке был нарисован маленький, непохожий на земные цветок. «Ведь этой ложкой я лет десять ем!» Он пристально разглядывал цветок, вертел ложку так и эдак, и глубокая, жгучая обида заползала в грудь. Как это он не видел цветка на ложке, как за десять лет не обратил на него внимания? Дядя Аникита затосковал.

Встала на миг в памяти ослепительно яркая земля. За протоками и озерами лежала она, напевная и солнечная: плыли прозрачные облака, билась в омутах от переизбытка силы и тягости жизни рыба, носились над камышами утки, росли и умирали травы, ныла тишина веселым колокольным звоном. «Жизнь, она течет!» — подумал дядя Аникита, поднимаясь из-за стола.

Вставал дядя Аникита во всей громоздкой величине и силе, как бы поднимался над семьей, как бы перерастал всех, сидящих в приглушенности. И, встав во весь рост, оглядел дядя Аникита коротким, но зорким, запоминающим взглядом дом свой и двор свой, и сказал дядя Аникита звонким голосом:

— На рыбаловке длинно время буду!

Он повернулся, чтобы идти к обласку и припасам, и пошел уже, чувствуя спиной тишину, как настиг его высокий голос жены Евдокии. А потом настигла и сама законная жена Евдокия, бросившись наперерезок.

— Ой, да не пускайте вы его!— вскричала законная жена Евдокия.— Это ведь он помирать поехал! Еще когда молодой был, то говорил: «Как смерть забрезжится, сяду в облас и помру на озере или реке!» Ой, да не пускайте вы его!

Вот так вскричала законная жена Евдокия, и дядя Аникита на ходу встал, словно на стенку наткнулся, и, стоя столбом, побледнел немножечко. И настала самая тихая тишина.

— Деда помират!— вдруг завыл истошно пятилетний внук дяди Аникиты, тоже Аникита.— Помират деда!

И не стало тишины. Все вскочили из-за стола, закричали вразнобой и приглушенно. Кричали маленькие, ругался на них сын Василий, стонала обморочно городская невестка Лариса. И, не разбирая сам себя, не зная, что делает, дядя Аникита набрал в грудь воздуху и гаркнул оглушительно:

— Ти-ш-аа!

Когда все стихло, то вдруг увиделось, что сидели себе спокойно на месте сын Владимир и невестка Валентина. Она даже ела молоко с сухариками и сказала потому в нос:

— Садитесь все! А вам стыдно, Евдокия Петровна, травмировать семью. Никаких оснований для смерти нет! Совершенно очевидно, что Аникита Иванович едет на рыбную ловлю.

— Я к хирургу заходил!— тихо и ласково сказал сын Владимир.— Ругается, как извозчик. Ему область приказала взять на учет тех жителей, которым больше девяноста лет. Кричит: «Статистики захотели а у меня два корпуса не ремонтированы!»

Сильная стояла во дворе тишина. Солнце совсем ушло за горизонт и светило косыми лучами. Лежал на лице дяди Аникиты красный отблеск.

— Язва-холера!— сказала жена Евдокия.— Сколь я с этим человеком мук приняла, это просто на удивленье!

Copyrighted material

Чем-чем, а стройками Москву не удивишь. Попробуйте-ка назвать район, где не приметишь жирафьи шеи работяг-кранов. Не сможете. И год от года столичные стройки в буквальном смысле слова набирают высоту. Нельзя же, расширяя город до бесконечности, уводить его в зеленые долы, в тихие рощи. А вдобавок высотные здания придают столице своеобразную прелесть, так сказать, организуют ее силуэт. Вот и буравят краны московское небо, и все выше поднимаются этажи новых зданий.

Сегодня мы рассказываем об одной из самых интересных строек Москвы — о комплексе зданий Совета Экономической Взаимопомощи. Комплекс возводится на проспекте Калинина, у реки Москвы, и включает в себя высотное административное здание, тринадцатиэтажную гостиницу, ресторан, конференц-зал, типографию, гаражи. Проект комплекса разработан мастерской № 1 Моспроекта-2. Руководитель авторского коллектива — архитектор М. В. Посохин.

Каски в поднебесье

Нина ВЕРИНА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Здесь, наверху, лишь солнце, небо и ветер. Солнце зноиное, звонко-золотое. Ветер буйный и вольный. А небо такой сияющей синевы, будто его только что подновил искусник маляр.

Здесь, наверху,— это над тридцать первым этажом административного здания СЭВа. Пока под ногами только бетонные плиты да стальной каркас. Но монтаж уже окончен, и сейчас здание облицовывают: покрывают сиреневато-серой керамической плиткой, которая под лучами солнца как бы проявляется — начинает жемчужно поблескивать. А где-то на пятом или шестом этаже одиноко сверкает витраж. Это польские мастера из фирмы «Мостосталь» — именно они будут наряжать здание в витражи — делают примерку. И тот из строителей, кто идет мимо, нет-нет да и прикоснется к гладкому алюминиевому переплету: витраж-первенец как бы позволяет людям, которые начинали тут от нуля, своими руками потрогать частицу готового здания СЭВа...

Однако витраж тот внизу, а мы сейчас на тридцать первом. Еще выше, чем мы, взобралась стрела крана, и из окна кабины выглядывает женское лицо. Какое оно, отсюда не разглядишь. А разглядеть хочется, потому что крановщицу Ширяеву монтажники — люди, похоже, не очень щедрые на ласковые слова,— зовут тем не менее Анечкой. Увидела я ее позже: милое лицо; худенькая, похожа на девочку-подростка. А пока что товарищи Анны Николаевны по тресту «Стальмонтаж» тут же, наверху, рассказали мне о ней.

Свою жизнь она сделала сама. Восемнадцать лет тому назад пришла на строительство секретарем-машинисткой. И вскоре полонила Аню высота: небо, солнце и воздух, прозрачнее, чем родниковая вода. Попросилась учиться на крановщицу. Не отпустили: хорошей секретаршей была. Тогда вострая девчонка одолела эту премудрость самоучкой. Уговорила крановщика и часами просиживала у него в кабине, допытываясь, что к чему. Через год прекрасно сдала экзамен.

Уж сколько лет прошло с тех пор, а мама Анны Николаевны до сих пор не может забыть, что бросила дочь спокойную работу. Как-то тайком от дочери отправилась поглядеть на ее стройку. Увидела в поднебесье кабину крана, обмерла и молила потом свою Аню:

— Уйди ты, Христа ради, с этой клятой высотищи. Пожалей и себя и меня!

Но Аня не ушла...

Рассказали монтажники про свою Анну Николаевну и стали показывать мне Москву. Четко, но непривычно вырисовывается отсюда город: как-никак 112 метров. Разговор пошел примерно такой: «Вот Москва-река, а вот высотка на Смоленке». «Какая высотка?» «Да высотное здание на Смоленской площади! Это мы его монтировали — «Стальмонтаж». Дальше — больше: «Университет монтировали тоже мы — «Стальмонтаж». И Дворец съездов, и Кремлевский театр, и гостиницу «Украина», и «Лужники»... Эти люди в ладных комбинезонах и желтых касках писали биографию почти всех высотных домов Москвы. И не только Москвы, и не только домов: телевизионные башни по всей стране, радиомачты, доменные печи тоже их рук не минули. А начинался нынешний «Стальмонтаж», знаете, как? Старый монтажник Иван Никифорович Тарунтаев — он и теперь здесь, на СЭВе, работает — заменял в Кремле, на башнях, царских орлов рубиновыми звездами...

Сейчас частенько случается так: разлетаются стальмонтажные мастера по белу свету. Иван Иванович Иванов — о нем, кстати, и очерк в «Огоньке» был — работал в Индии и в Индонезии, механик Виктор Николаевич Кукушкин — в Камбодже, а другие монтажники... И посыпались названия государств.

История с географией, конечно, дело хорошее, но все-таки как же здесь-то было, на СЭВе?

— А тут,— отвечают монтажники,— тут что ж... Все гладко было.

Приступлено к монтажу административного здания в мае прошлого года. Окончено в июне нынешнего. Здание запроектировано как бы в форме раскрытой книги. Над каждой из страниц трудилась своя бригада монтажников. Над одной — Петра Кирилловича Голованова, над другой — Владимира Степановича Барсукова. И соревновались: кто быстрей допишет свою страницу. Володе с Петром легко соревноваться: давно вместе работают, притерлись друг к другу.

Хозяин самоподъемных башенных кранов — СБК — Виктор Кукушкин может, кажется, говорить о них часами. И предела-то высотности для них не существует, и устойчивые они необычайно, и грузоподъемность их не зависит от положения стрелы... Пристрастие механика понятно: краны, можно сказать, собственные, и проектировали их конструкторы «Стальмонтажа», и изготавливали в своих, стальмонтажных мастерских... С такими помощниками, как СБК, монтировали по четыре этажа в месяц. И зимой ни на один день не останавливались — ни в морозы, ни в метели. Случалось, при шестибалльном ветре работали.

— Трудно, небось, было?— спрашиваю я.

— И вовсе нет,— отвечает Петр Голованов.— С электроподогревом работали. Эта стройка для нас вообще легкая, хотя и необычная; тут все хорошо организовано, крепкий порядок. А вот что нам действительно нелегко далось, так это реконструкция Большого театра. Там пришлось монтировать крупные фермы, не снимая крыши. Лето было. Жара. Пылища. Балки и фермы мы катали огромные, а стукнуть-брякнуть никак не моги: чуть что — и в зрительном зале полетит драгоценная люстра...

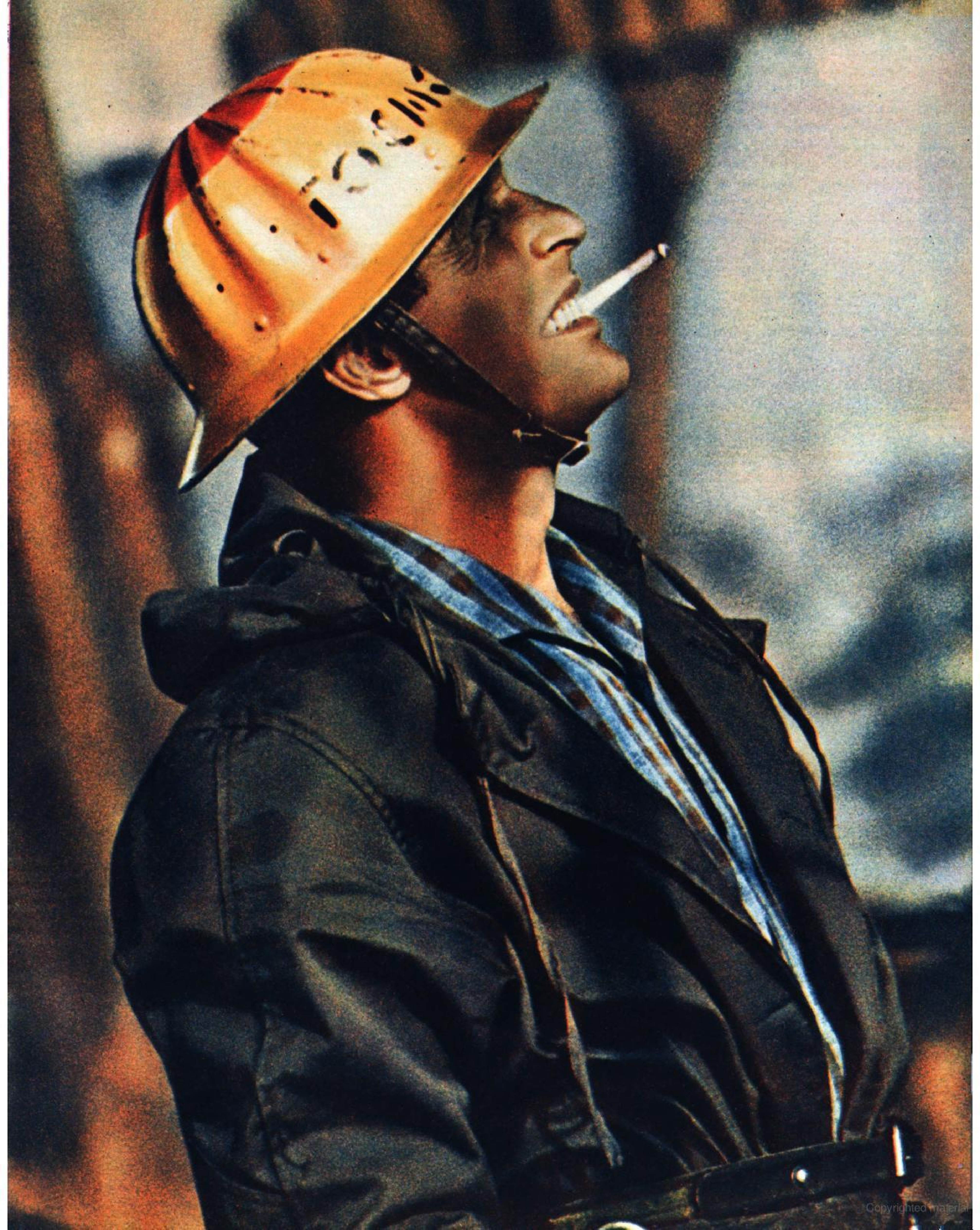
Простившись с монтажниками, я спустилась вниз. Прошлась, не торопясь, по зоне стройки. Странно: что же это за стройплощадка? По аккуратнейшим бетонным дорогам аккуратнейшим образом катят тяжелые самосвалы. Не то что мусора, но и материалов сразу не приметишь, так тщательно они сложены: плита к плите, доска к доске, кирпич к кирпичу. Нашлось даже место газонам. Они лепятся к веселым дощатым домикам, красноватым и зеленым,— к столовой, санчасти, душевым. А плакаты? Куда же подевались они, унылые, как ужин вегетарианца? Тут их нет. Впрочем, наконец-то плакат! Но тоже необычный. «Что такое строительный мусор? Это бывший строительный материал» — вот что гласит строгий белый квадрат. Еще плакат. На самом каркасе административного здания. Огромный. Его и с улицы можно рассмотреть. Детское лицо — только глаза, нос, рот,— а надпись такая: «Папочка, береги себя!» Это подсобник техники безопасности...

Под стать всему прочему и светлый, нарядный дом — управление стройки. Иду к начальнику управления, официально именуемому так: начальник СУ-57 треста Мосстрой-13. Лев Борисович Шульман неохотно — масса дел, все время заходят люди, и телефоны непрестанно сигналят — начинает рассказывать: в строительстве участвуют все страны — члены Совета Экономической Взаимопомощи. Польша дает витражи. Румыния — плиты для облицовки. Болгария — перегородки, обшитые искусственной кожей. ГДР — электрооборудование и отделочные материалы: пластики, синтетические ковры. Чехословакия — лифты и сантехническое оборудование. Венгрия — алюминиевые потолки для высотной части главного здания, оборудование конференц-зала, кондиционеры-доводчики. И все страны прислали на стройку своих мастеров.

— Интересно: сколько комнат вместит главное здание?

— Очень много, но точной цифры вам пока никто не назовет. Вот конференц-зал, например, рассчитан на девятьсот шестьдесят мест и оборудован установками для перевода речей на пятнадцать языков. А в административном здании задумана свободная планировка, и его будущие жильцы — сотрудники Со-

Владимир Степанович Барсуков, бригадир монтажников, возводил МГУ, гостиницу «Украина», Кремлевский Дворец съездов. ▶

Copyrighted material

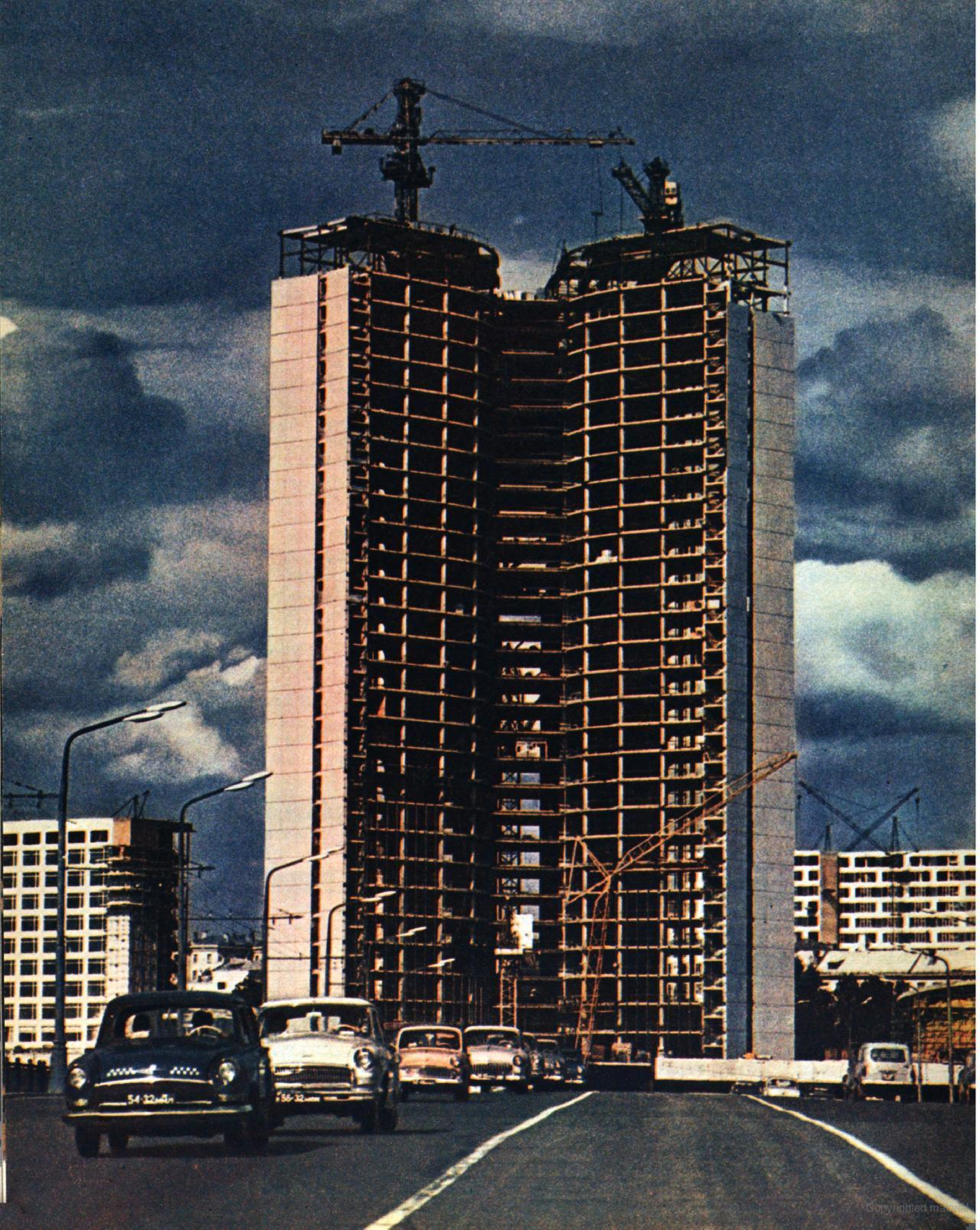

Салютуют строители.

Copyrighted material

Copyrighted material

Copyrighted material

Над проспектом Калинина на 112 метров взметнулся каркас будущего здания СЭВа.

вета Экономической Взаимопомощи — разместятся так, как сочтут удобным. Но во всех кабинетах будет одинаково приятно работать. Синтетические ковры погасят шум. Кондиционеры-доводчики обеспечат не просто тепло или холод, но именно тот климат, который по душе хозяевам.

Останутся ли хозяева довольны, это мы сравнительно скоро узнаем: строительство закончится в будущем году.

— А когда оно началось?

— В августе 1964-го. Первой сюда пришла комплексная бригада монтажников Александра Момина. На их долю досталось самое трудное: готовили зону стройки, ломали облупленные, ветхие дома, прокладывали и асфальтировали дороги, строили площадки для приемки материалов, бетонировали конструкции фундаментов — это уж в зиму было. У них и сейчас занятие тяжкое, невидное, неблагодарное: такелажничают — складируют материалы, потом подают на нужный этаж.

— Может, у такелажников действительно дело неприметное, но вообще-то профессия строителя, как ни одна другая, на виду у людей,— говорю я.

— Вот-вот! Потому-то я и прилип к этой хлопотной работе, будь она трижды неладна! Уж очень она нужна всем: и тем, кто ждет новую квартиру, и тем, кто хочет трудиться в красивых, удобных цехах и кабинетах.

Стаж «трижды неладной» работы у Льва Борисовича уже немалый. Окончив в 1951 году Ростовский строительный институт, надел он резиновые болотные сапоги да так и не снимал их добрый десяток лет: был старшим прорабом. Начальником управления стал не так давно, и вскоре послали новоиспеченного начальника сюда, на стройку, редчайшую в своем роде.

Стройка показательная. И потому здесь немало новшеств. Например, сетевой график. Очень сложная штука. Я даже не пытаюсь рассказывать о нем. Но, как показал первый опыт, гибкий сетевой график весьма выгодно отличается от прежнего — календарного. Отличается хотя бы тем, что позволяет совершенно точно определить, какие именно работы в какой именно момент на стройке самые главные, неотложные, а с какими делами можно пока не торопиться...

Тут-то и выясняется, что и сам начальник управления и большинство здешних работников — приверженцы научной организации труда. По этой, наверное, причине на сложнейшей стройке, где забот и трудностей хоть отбавляй, все идет, как на хорошем конвейере.

Бывали у Шульмана и волнения неожиданного свойства. Например, из-за тех самых плакатов. Стройке же полагается украшаться не кустарным способом. А он заявил:

— Не позволю портить людям настроение скукотой и уродовать площадку.

Сам и придумывал здешние плакаты. Кое-кому это тогда пришлось очень даже не по душе: своеволие. А теперь привыкли, и всем нравится.

И с монтажниками сперва не вовсе идиллически складывались отношения. Не желали те носить предохранительные каски. «Мы, мол, сами знаем, как свою безопасность соблюдать». Увещевания не помогали. И в один прекрасный день Лев Борисович, озлившись, приказал: «Прекратить подачу электроэнергии до тех пор, пока все красавцы головы не покроют». Монтажники тоже в амбицию: «Шульман, видать, того, не совсем здоров — работу срывает». Но каски все-таки пришлось надеть. И с тех пор их не снимают. А с начальником теперь полный мир да лад.

Нашу беседу прерывает сообщение: прибыли образцы мебели из Болгарии. Шульман вспоминает, что в гостинице уже готовы, вполне обставлены, три эталонных номера. Предлагает посмотреть. Я снова карабкаюсь по надежным, но каким-то неуютным ступенькам, мимо площадок-этажей, где змеями свернулись кабели. Вот они, эталонные номера. Ультрасовременная мебель, элегантные светильники, изящные эстампы. И теперь я весьма явственно представляю, каким будем комплекс зданий СЭВа.

...День клонится к закату. Пора уходить. У ворот встречаю своих добрых знакомцев — стальмонтажников.

— А у нас новость,— говорят они.— Скоро будем провожать СБК. Один отправляют на Смоленскую площадь, на строительство гостиницы «Интурист». Другой пойдет на проспект Вернадского, там будут возводить здание для проектных организаций. Значит, и нам туда лежит дорога.

Эльвио РОМЕРО
Парагвай

Пылающая пустыня

ЗНОЙ

Упало на землю лето.
Упало,
сумерки запалив, как костры,
выжимая безумные смолы
из древесной коры,
пот из пашен и кожи волов,
безумеющих от жары.

Это лютое лето,
когда партизан
травы сосет, чьи стебли остры...
А губы пылают, а жажда жива,
и над сьестой сухого зноя шатры!
Это лето упало.
Это птицы пылают,
как маленькие огненные шары.
Это повсюду поблескивают
зноя костры!

СМЕРТЬ ПОГОНЩИКА

Напрасно звать его. Он не очнется,
он на земле простерт, как черный ствол.
Уже в его отрепья не уткнется
бугристой головой ленивый вол.

Лишь тишина звенит над ним отныне.
Не расплести ее тугих тенет.
Уже ничто пылающей пустыне
его шагов усталых не вернет.

Напрасно звать: он, как мираж, распался
там, где страдал, одолевая зной,
на пастбищах, учивших волопаса
сопротивляться ярости земной.

Теперь он тень. Под ним трава седая...
А впрочем, тенью был он и тогда,
когда, напрягшись, брел, одолевая
пустыню, по дорогам в никуда.

Вот все, чем он владел на свете белом.
Он пил прогорклых сумерек настой.
В пустыне этой шаткой быть сумел он
лишь тем, чем может быть песок простой.

А о другом и не мечтал он даже.
Вся жизнь его зависела от ног.
Теперь ушел он в мертвые пейзажи,
теперь над ним сомкнулась пыль дорог.

Он рухнул навзничь, человек без счастья.
Его останки травы оплели...
Живой — он в горизонты не вмещался,
а умер — весь вместился в горсть земли.

БЕЗУМНЫЕ БОРОЗДЫ

Есть страны,
где в пшенице бродит бриз...

Здесь шквалы
в пашни мертвые впились.
Здесь зной и жаркий обморок дорог,
изломы трещин
и кричащий дрок.

Здесь блеск слепящий
и небес разлом,
здесь бьет жара карающим крылом,
здесь похоть лета на груди борозд,
и засуха —
во весь свой жаркий рост!

Есть страны,
где в пшенице бродит бриз...

Здесь над травой сожженной зной навис.
Здесь хрип предсмертный раздирает даль.

Здесь зной —
тугая черная спираль!

ПЕСНЬ

Я отыскал колодец, где на дне
твой голос о немые стены бьется.
Внизу вода и ты. Я — в вышине,
склоненный над закраиной колодца.
Колодец, ты и я — здесь трое нас,
ты смотришь вверх, и взгляд сквозит печалью.
В полуоткрытых раковинах глаз
я робкий свет жемчужин различаю.
Колодец дышит, он колеблет мглу
курением глубин, распадом донным,
а я, приникнув к черному стволу,
тянусь к тебе, к твоим призывным стонам.
Вот так тебя я встретил, так извлек,
чтобы отныне ты была со мною,
как влажный пульс, как синий бочажок,
любовью переполненный земною!
Нас молодость свела на этом месте,
она сияет в каждом нашем жесте.

Мы утренние недра — ты и я.
Любовь легко легла на наши плечи.
Мы две реки, два древних бытия,
Два профиля — два вскрика человечьи!

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

Copyrighted material

ПУСТЬ ТОРЖЕСТВУЕТ

А. ЧИСТОВ

Фото автора.

Садако Сасаки было два года, когда над Хиросимой разорвалась атомная бомба, сброшенная с американского самолета «Б-29». Последствия сказались не сразу. Девочка пошла в школу, хорошо училась. Но в феврале 1955 года ее поместили в атомный госпиталь. Диагноз врачей — лучевая болезнь...

Девочка не хотела умирать. Сопротивляясь смерти, она начала делать бумажных журавликов. По старому японскому поверью, журавли живут очень долго — тысячу лет, и болезнь отступит, если в комнате больного будет висеть тысяча бумажных журавлей—сэмба-цуру.

Слабели ручонки Садако. Она торопилась, верила, что спасение придет. Но не успела. 644-й журавлик, сделанный ее руками, оказался последним.

Девочка умерла. И тогда подруги и одноклассницы Садако стали собирать деньги на памятник этой девочке, которой так не хотелось умирать. А когда памятник был воздвигнут, они сделали не тысячу — десятки тысяч разноцветных бумажных журавликов и повесили их гирляндами над могилой Садако.

Мы стоим у этого трогательного памятника, низко склонив головы. Шелестят, колышутся, как живые, от дуновения ветра журавлики. Плывут над бронзовой фигуркой девочки облака. А она замерла, подняв к ним свои тоненькие руки, маленькая мученица Хиросимы, так и не победившая смерть, но на века запечатлевшая неистребимую любовь и волю к жизни.

История с бумажными журавликами не легенда. Это быль. И она не кончается в Мемориальном хиросимском парке у каменного изваяния атомной бомбы.

Вера в целительную силу журавликов сохраняется и поныне многими людьми. Мы встретились с ними в новой больнице. На излечении или под наблюдением врачей здесь находятся сегодня десятки жителей Хиросимы.

Муниципальным властям города, очевидно, не под силу было бы построить такую современную, оборудованную по последнему слову медицинской науки больницу. Ее создание — одно из свидетельств гуманизма и бескорыстной помощи людей разных стран жертвам атомной катастрофы. Есть в этой хиросимской больнице и наш скромный вклад: из Советского Союза сюда поступила новейшая медицинская аппаратура.

Мы проходим по больничному коридору, переговариваясь вполголоса и пряча за спиной наглухо застегнутые в футлярах фотоаппараты.

Заглядываем в раскрытые двери. И в этой палате, и в этой, и в следующей над окнами свешиваются знакомые нам бумажные журавлики.

Памятник детям — жертвам атомной бомбы.

Мемориальный парк.

Copyrighted material

Улица в Хиросиме.

Школьницы.

Традиция и современность.

РАЗУМ!

Прошел двадцать один год, но и сегодня самый распространенный, наиболее часто повторяющийся здесь диагноз — лейкемия, заболевание крови...

Не выдержав, выхожу на улицу раньше других. Среди нас есть врачи, у них свой, профессиональный интерес...

День солнечный, и не так уж жарко. Улица тихая, малолюдная. Скачет вприпрыжку по тротуару мимо здания атомной больницы веселая девочка, чем-то похожая на Садако, такая же голенастая, худенькая. Она скачет и скачет себе, не замечая ни нас, ни склонившихся в окнах второго и третьего этажа пожилых людей в серых больничных халатах. Они медленно поднимают руки и низко кланяются нам, прощаясь.

Столь же тяжелое впечатление остается от посещения Музея мира, хранящего страшные реликвии атомного бедствия. Экспонаты и фотографии, размещенные здесь, не просто свидетельствуют — кричат о бесчеловечности, изуверстве, безрассудстве. Бомбу, которая унесла тысячи, десятки тысяч жизней, изуродовала, искалечила женщин, детей и стариков, ее хозяева называли «крошкой». Весь мир теперь знает, что она натворила, эта «крошка». И если ктонибудь из американских обывателей сомневается в правдивости рассказов о трагедии Хиросимы,— таких следовало бы принудительно отправлять сюда, в залы Музея мира.

Обыкновенные часы, стрелки которых навсегда остановились на 8.15, а рядом фотографии людей со страшными ожогами, от которых остановились сердца...

Ни в одном из городов мира, в которых мне довелось побывать, я не видел такого удивительного магазина, как в Хиросиме. Он расположен неподалеку от Мемориального парка и площади Мира, если идти от них к центру, к Хондори.

В этом магазине без прилавков и крыши продаются сады. Да-да, самые настоящие сады с декоративными и фруктовыми деревьями, бассейнами, скульптурами, вазонами. Около каждого миниатюрного садика — аккуратная табличка с пяти-шестизначными цифрами. Это цена сада.

Изучив таблички, вы можете приобрести здесь для своего дома или виллы зеленый уголок по вкусу и — что, разумеется, не менее важно для вас — по карману.

Уплатите стоимость приглянувшегося вам садика, укажите адрес—и занимайтесь спокойно своими делами. К назначенному сроку придут садовники с заступами, высадят именно те деревья и кустарники, набор которых предусмотрен прейскурантом. Рабочие перетаскают с грузовика и сложат, как надо, декоративные нагромождения камней, подведут к бассейну воду, выпустят в него золотых и голубых рыбок. Любуйтесь и наслаждайтесь!..

Был вечер, но магазин садов не закрывался. Заглянула сюда молоденькая парочка. Медленно переходили они от одного миниатюрного садика к другому, о чем-то мягко спорили, возвращались к райским уголкам, вызывавшим, как видно, противоречивые мнения.

Они не вошли в домик-контору, чтобы выписать чек. Свернув к выходу, оглянулись еще раз, вздохнули и торопливо направились к автобусной остановке.

Каждый клочок земли в Японии стоит баснословно дорого. Нам рассказывали, что участок, равный 3,3 квадратного метра, в центре Нагои, например, стоит миллион иен, в Токио — два с половиной миллиона!..

И все-таки, застраивая новую Хиросиму, люди хотели, чтобы ее здания были не хуже, а лучше прежних — светлее и просторнее, современнее по архитектуре. Об этом хорошо сказал директор одной из хиросимских школ, которую мы посетили:

— Это новая школа. От прежней ничего не осталось — она находилась чуть в стороне отсюда, по ту сторону улицы. Это была одна из самых лучших и красивых школ нашего города. Поэтому, когда решили строить новую, у всех было желание, чтобы дети, переступая ее порог, не вспоминали с грустью о старой, уничтоженной атомным взрывом, не печалились, а радовались, видя, как хорошо здесь, какие тут просторные и светлые классы, коридоры...

Директор помолчал. Потом продолжал:

— Вы понимаете, если ТА школа была уничтожена, значит, в этом районе жили люди, которые либо погибли, либо пострадали от взрыва. У нас учатся их младшие дети и внуки. Много ли таких ребят? Семьи примерно шестидесяти процентов школьников испытали в какой-то степени на себе последствия бомбардировки. Это не могло не сказаться на детской психике. И мы, педагоги, не можем не учитывать этого. Мы хотим, чтобы дети не боялись взглянуть на солнечное небо, не прятались панически, услышав раскаты грома во время грозы, чтобы они чаще видели добрые улыбки на лицах людей, а не печаль и отчаяние. Каждый из них, конечно же, слышал от взрослых, какой жестокой и страшной была хиросимская трагедия. Этого не скроешь. Но расти наши дети должны, сохраняя веру в торжество разума, правды, света, в их победу над насилием и тьмой...

Нам пора прощаться — вечером у нас встреча с представителями хиросимского отделения общества «Япония — СССР». Расставаясь, спрашиваем, давно ли директор живет в Хиросиме.

— Я здесь родился,— отвечает он.— Жил в восточном районе города, в трех километрах от эпицентра взрыва. Пострадала ли семья? Да, конечно...

Директор школы умолкает. И мы не задаем больше вопросов. Мы понимаем, почему с такой заботой говорит и думает о своих питомцах — детях Хиросимы — этот седой худощавый человек с добрыми и чуть-чуть печальными глазами...

Оживленно, шумно в центре Хиросимы. Нескончаем поток автомобилей. Бегут одновагонные зеленые трамвайчики (в Японии они не звонят, а гудят). Рябит в глазах от пестрых реклам. Из раскрытых настежь дверей патинко вырывается звон тысяч стальных шариков, лихорадочно мечущихся в хитроумных лабиринтах. Постукивают по тротуару деревянные сандалии гэта.

Иногда в эту уличную симфонию врываются чуть хрипловатые выкрики. Сначала отдаленные, неразборчивые, потом постепенно приближающиеся, все более и более отчетливые.

Что это? Радиофицированная реклама? Увещевания полицейских стражей уличного порядка и безопасности движения? Но тогда почему некоторые пешеходы замедляют шаг и вслушиваются с напряжением?

Скромный небольшой пикап. Сидящая рядом с шофером девушка в простенькой белой блузке, в платочке, держит микрофон и почти механически, лишь изредка делая небольшие паузы, что-то выкрикивает. Усилительная аппаратура, динамик, как видно, перетружены. Но они все-таки помогают девушке преодолеть уличный шум, разнося окрест ее призывы:

— Мы не хотим, чтобы на нашей земле оставались американские военные базы!

— Военные расходы ложатся ярмом на семьи трудящихся!

— Мы требуем: долой американские базы! Мы требуем отмены военных налогов! Мы хотим мира!..

Стихает, удаляясь, голос девушки, усиленный хрипловатым репродуктором. И новые пешеходы, идущие навстречу машине, замедляют шаг, вслушиваются...

Copyrighted material

1

2

ПОЛЮС УЛЫБАЕ

Борис ПОЛЕВОЙ . Фото автора.

Еще по пути из бухты Тикси на дрейфующую станцию «Северный полюс-15» мы наслушались немало веселых историй из жизни дрейфовщиков, или, как они сами именуют себя, «дрейфунов». Юмор тут нужен, как витамины. В морозном воздухе шутки не вянут и не старятся, живут десятилетиями, и дрейфуны передают их из поколения в поколение. Некоторые рассказы были из жизни первых станций, остроты и розыгрыши — времен спасения «Челюскина».

...Самолет летел над бесконечными далями (снимок 1), а в кабине, где мы сидели и лежали на бочках с капустой, солеными огурцами, на контейнерах сソляркой, все время сквозь шум моторов слышались взрывы густого веселого смеха.

Едва мы приземлились на отороченной торосами и ропаками льдине, представлявшей собой крохотный плавучий аэродром, как сразу же оказались окруженными рослыми веселыми людьми в мехах и коже (2). Оглянулись кругом и уже не могли сдержать улыбок: у кромки аэродрома, возле черной сферической палатки, восседал огромный, вылепленный из снега белый медведь и гостеприимно протягивал нам лапы. Сделан он был здорово, но чувствовалось, что в композиции чего-то не хватает. Оказывается, руководитель полетами известный полярный летчик Алексей Каш (3), вылепивший медведя, задумал скульптуру несколько по-другому.

— Медведь у нас держит блюдо,— тихо пояснил он мне,— а на блюде бутылка спирта и кольцо колбасы. Но с вами ведь прилетело начальство, и мы все это спрятали от греха подальше.

Действительно, тем же самолетом прилетел на льдину директор Всесоюзного института Арктики и Антарктики профессор А. Ф. Трешников. Старый полярник, он сразу понял, что́ именно обеднило снежную скульптуру, и, как мне кажется, внутренне даже пожалел об этом (4).

Зимовщики много, очень много работают. И днем и ночью. Но это не мешает им жить весело, любить шутку, острое слово. На всех четырех дрейфующих станциях, где мне случилось побывать, маленькие фанерные кубики, торжественно именуемые кают-компаниями, имеют шутливые вывески: «Ресторан «Нептун», «Приют тринадцати», «Кафе «Морж». Даже единицу измерения пустили в ход, назвав один из домиков «Милли БАР» (5).

Я прилетел на полюс вскоре после Первого мая. Снег еще не занес первомайские трибуны, сложенные из брусков льда, и алые полотнища с лозунгами (6). Сохранились даже опознавательные щиты, с которыми каждая партия выходила «на демонстрацию». Гидрологи несли щит «Аку-Аку». Геофизики — «Лучше переспать, чем недоесть». Один транспарант затейливее другого (7).

С трогательной нежностью относятся на полюсе к животным. При мне на льдину прилетела крохотная пуночка — полярный воробей, такой же нахальный, как его континентальные сородичи, но отличающийся от них светлым оперением. День был трудный: появилась трещина во льду, объявили аврал. И все-таки все бегали в район камбуза посмотреть на эту маленькую птичку.

3

4

5

Copyrighted material

Не похвастаюсь: хотя гостю и помогали все, кто мог, мне не удалось ее сфотографировать. А вот то, что именовалось на льдине «святым семейством», я сфотографировал (8), запечатлев семейство на любимом его месте — между продуктовым складом и камбузом. Это чудесная собака-лайка по имени Вега с тремя своими приемышами. Собаки — настоящие друзья дрейфовщиков. Храбрые, чуткие псы всегда заблаговременно сигнализируют о приближении медведя. Не только сигнализируют, но и смело атакуют. Были случаи, когда Вега без помощи человека и огнестрельного оружия сама отгоняла непрошеных гостей.

— Почему же «святое семейство?» — спросил я.

— Она у нас еще девушка,— доверительно сказал мне кок, лучший друг животного мира льдины.— А эту троицу щенят нам в разное время прислали ребята с материка. Вега усыновила их и теперь воспитывает, да как воспитывает! Всем бы матерям так! Стоит какому-нибудь ротозею, заигравшись, приблизиться к разводью или уйти за пределы льдины, Вега сломя голову несется за ним, легонько кусает, а то и волочет за ухо. Вон тот, маленький, лохматый, его у нас зовут Пузо, он страшный озорник и непоседа. Ему больше всего попадает от приемной матери. Но она из них сделает настоящих собак, уж будьте покойны!

И кок снова повторил:

— Вот все бы матери так!

Эту полярную идиллию, признаюсь, снял не я (9). Когда я прилетел, медвежата, запечатленные на снимке, были уже отправлены на континент в зоопарк. А лайку, воспитавшую их и имеющую звучное имя Бригантина, мне показывали. И, показывая ее, полярники поражались: «Умнее иного человека, ей-богу, только вот не говорит».

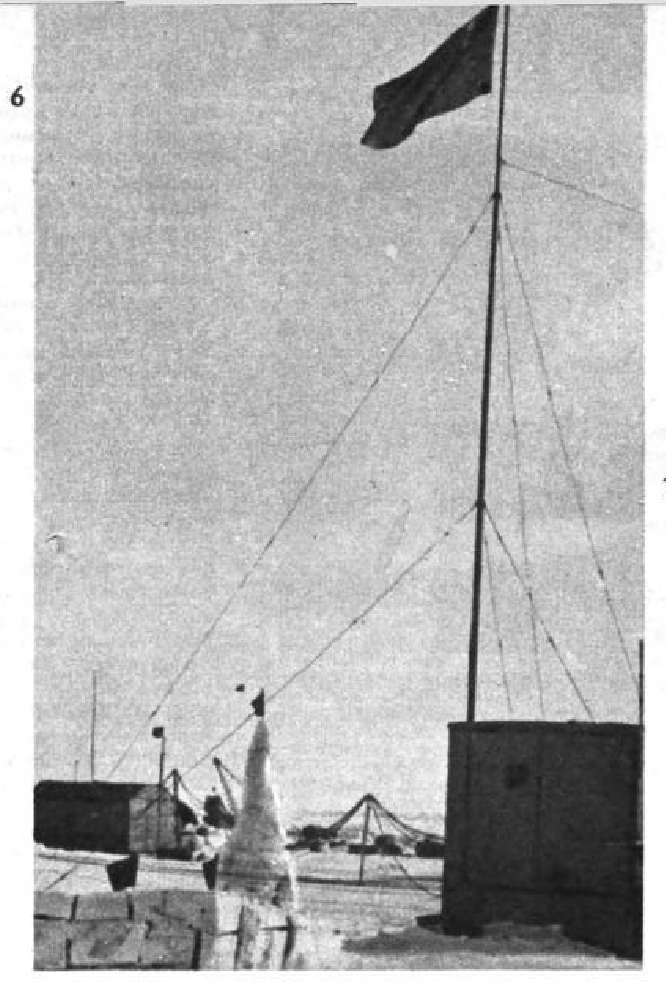
Перед прощанием полюс улыбнулся нам еще раз. На дрейфующем ледяном аэродроме, на самом его краю, откуда начиналась торная тропа к лагерю, мы увидели дорожный указатель. Настоящий дорожный указатель (10). Старательно выписанные стрелки, прикрепленные к вмороженному в лед шесту, показывали в разные стороны. И говорилось на них: «До Южного полюса 20 000 км», «До Москвы 4 700 км», «До кафе «Морж» — 25 метров», «До Северного полюса — 700 метров». Стрелка, указывающая вниз, заявляла: «До дна 3 800 метров».

Кафе «Морж» разместилось в обычной жилой палатке, густонаселенной аэродромной обслугой. Но в палатке на примусе всегда кипел чайник. А неопытному полярнику, не захватившему с собой чая или растворимого кофе, летчики от щедрот своих могли предложить и заварку... Но иногда случались чудеса. Когда мы улетали и самолет уже прокручивал винты, начальник самой старой зимовки В. С. Сидоров, хорошо известный и в Арктике и в Антарктиде, выйдя из кафе «Морж», жестом фокусника, к общему удивлению, достал из-за пазухи бутылку шампанского, а из кармана — обливную кружку. Хлопнула пробка, и шампанское брызнуло на лед. Может быть, покажется странным, что в отличие от всех других мест земного шара, где шампанское охлаждают, тут его предварительно греют. Но это уже специфика полюса. Бутылка лопнула бы на морозе.

И вот, стоя у многозначительного указателя, под дружный смех провожающих мы все выпили по глотку.

— За наш Северный полюс, за мужественных, трудолюбивых, веселых, да, обязательно веселых людей!

6

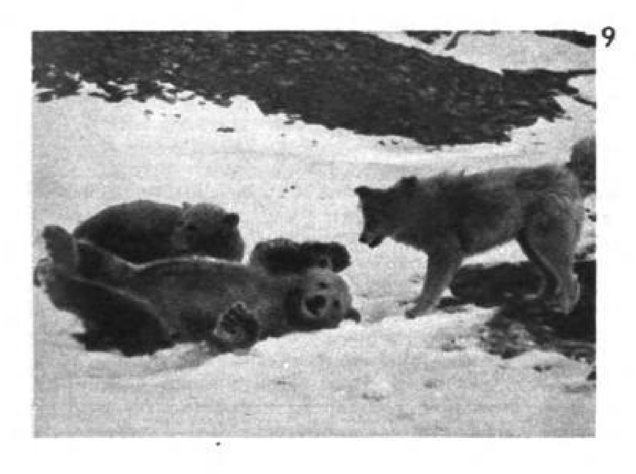

7

8

9

10

Copyrighted material

«Ленин в Польше». В. И. Ленин — М. Штраух. Улька — Илона Кузьмерска.

Киноленини

Ал. ДЫМШИЦ

Однажды мне случилось быть в Ницце вместе с группой литераторов. И перед показом картины «Броненосец «Потемкин» на мою долю выпала честь рассказать об этой ленте и об ее создателе большой аудитории французов — друзей Советского Союза. Я сказал о фильме коротко, не агитируя за него, так как считал, что фильм сделает это не в пример лучше.

И когда пошла лента, мне стало особенно ясно, что такое социально-эстетическое сопереживание. Всем своим существом почувствовал я реакцию зала на эту великую картину, ощущал, как зрители втягивались в диалектику событий. Внимание зала было отдано экрану безраздельно: зрители чувствовали себя вовлеченными в поток событий. Они были вместе с людьми, которые шли бесконечной лентой, заряженные скорбью и гневом. Они были с людьми на этой лестнице смерти, в суровых и отчаянных боях...

Так торжествовал советский, революционный, реалистический, новаторский кинематограф.

Героическое прошлое, отступая в область истории, продолжает участвовать в живой жизни, помогает великому походу в будущее. Талантливый историко-революционный фильм «укорачивает» временные расстояния: он сближает нас с будущим, приближая к нам прошлое. А хорошие фильмы о Ленине делают еще больше: они вооружают зрителя духовным опытом величайшего революционера, учат по-ленински прокладывать пути к новому...

Искусство историко-революционного жанра в кино, как и всякое новаторское искусство, не терпит иллюстративности и повторения уже однажды добытого. Особенно нетерпим шаблон в кинокартинах о Ленине.

В художественной кинолениниане, в фильмах о революции немыслимо идти, повторяя однажды найденное, варьируя уже известное, созданное в прошлом большими мастерами... Думается, что в картине Ю. Вышинского «Залп «Авроры» это отчасти определило последующую справедливую критику массовых сцен, сделанных добросовестно и с размахом, но невольно воспринимающихся в качестве вариаций к известным работам С. Эйзенштейна, М. Ромма, С. Васильева, Ф. Эрмлера... Некоторые новые сценарии также вызывают известные опасения в данном смысле.

Упомяну о сценарии Д. Гранина «Первый посетитель». Здесь, как мне представляется, мало возможностей для создания интересного, яркого фильма. Талантливый писатель, к сожалению, не проявил в этом произведении творческой оригинальности. В памяти встают аналогичные эпизоды и ситуации из фильмов «Ленин в Октябре», «Человек с ружьем», «Выборгская сторона»... Своего, нового в проблематике этого сценария, где сюжет держится на встрече Ленина с крестьянином, у которого несправедливо отняли лошадь, на мой взгляд, крайне мало.

Думается, что сценарий не дает широкого простора для режиссерского творчества. Впрочем, не будем гадать. В недалеком будущем зрители сами просмотрят фильм «Первый посетитель» и оценят сценарий уже как основу фильма.

Неудача вышедшей картины «Первая Бастилия» (сценарий Ю. Яковлева, режиссер М. Ершов) — о юности Ленина, об учебе Владимира Ульянова в Казанском университете — состоит прежде всего в том, что за показом простых сюжетных историй опять-таки исчезла внутренняя сущность молодого Ленина, его духовное мужание, идейные борения и искания. Авторы этого фильма словно не дали себе труда проникнуть в сферу психологии, скрытых переживаний своего великого героя.

Хорошо, конечно, что на роль Володи Ульянова нашли актера приятной внешности и хороших способностей. Режиссер и оператор иногда помогали ему, высветляя его и выдвигая на первый план в кадре. Но никто из создателей фильма не дал актеру материала для раскрытия духовного мира формирующегося революционера. Так писали и снимали в стародавние времена, делая картины иллюстративные, не ища новаторских методов для проникновения в идейную жизнь героя. Такие ленты и вчера, и позавчера, и сегодня оставались и остаются вне новаторского русла нашего киноискусства. В таких картинах можно в лучшем случае следить за действием, но нельзя завязать действенного духовного контакта с героем. В фильме о Ленине это особенно огорчительно.

А пока хочется подробнее сказать о тех фильмах, где есть черты художественного новаторства, — «Ленин в Польше» С. Юткевича и «На одной планете» И. Ольшвангера. Это разные картины, и о каждой из них надо говорить особо.

Картина Сергея Юткевича тематически ни в чем не повторяет ничего ранее известного из художественной киноленинианы. Взята тема новая, чрезвычайно важная политически. Тема Ленина, прозревающего уже в начале первой мировой войны, путь революционной победы, путь превращения войны империалистической в войну гражданскую. Тема — гениального революционного стратега — неразрывно связана в фильме с темой кровного ленинского интернационализма.

В основе фильма «Ленин в Польше» лежит сильная, новаторская сценарная драматургия. Создатели сценария Е. Габрилович и С. Юткевич пошли единственно плодотворным путем, стремясь проникнуть во внутренний мир Владимира Ильича, мир его мыслей и переживаний, в сферу идей, диктовавших и определявших действия Ленина на ответственнейшем рубеже истории, с которого гений социалистической революции еще отчетливее увидел грядущее торжество коммунистов в борьбе с самодержавием и капитализмом.

В сценарии все овеяно мыслью Ленина, проникнуто неповторимой энергией ленинского слова. Авторы фильма подходят к текстам Владимира Ильича не цитатно, а творчески. Они не монтируют тексты, а создают свободную и плавную речь Ильича, проникнутую духом ленинской мысли и от-

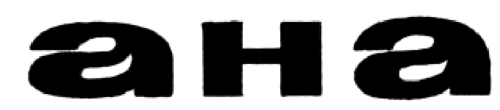
«На одной планете». В. И. Ленин — Иннокентий Смоктуновский. Н. К. Крупская — Эмма Попова. Фриц Платтен — Юрий Волков.

Copyrighted material

вечающую особенностям ленинского стиля, что и позволяет им в конечном счете проникнуть в диалектику ленинского характера. Это имеет огромное значение, так как учит миллионы зрителей мыслить и бороться по-ленински, сближает их с миром мыслей и чувств Владимира Ильича.

Такое построение фильма могло быть чревато известными опасностями. Оно могло бы, например, привести к известной монотонности монолога как приема. Но тут уж вступило в силу мастерство режиссера С. Юткевича, так же как мастерство талантливейшего актера М. Штрауха, уже не раз воплощавшего на экране образ Ленина.

Между закадровым голосом Максима Максимовича Штрауха и его игрой мы видим глубокое и нерасторжимое единство — такую реалистическую гармонию, которая и позволяет замечательному артисту воплотить образ своего великого героя с неизмеримо бо́льшим психологическим богатством, нежели раньше. Он еще глубже проник в характер Ленина — в это непрестанное развитие революционной натуры, в эту гамму сложнейших психологических

оттенков — и показал человека огромной убежденности, той слитности помысла, слова и дела, которая характерна для Ленина.

Мне кажется, что картина «Ленин в Польше» должна во всем мире вызвать сильнейшее сочувствие идеям и идеалам коммунизма, ибо в центре ее стоит герой, вся сущность которого говорит о бесконечном обогащении человека революционной мыслью и революционной борьбой.

Созданная в сотрудничестве советских и польских кинематографистов, картина «Ленин в Польше» — один из немногих образцов совместных постановок. Мы нисколько не ощущаем различия между манерой игры у наших и у польских актеров; я сказал бы, что у всех актеров, работающих в этой картине, неотступно чувствуется революционное отношение к своим задачам. А это так и должно быть в картине, посвященной величайшему революционеру нашего века!..

Фильм «На одной планете» снят по сценарию С. Дангулова и М. Папавы; ими выбрана тема опять-таки совершенно новая — тема Ленина, определяющего уже в первые дни и месяцы Октябрьской революции принципы и возможности мирного сосуществования государств с различными социальными системами. Эта тема также накрепко связана с интернационализмом Ленина, с ленинским требованием мира между народами.

В сценарии очень интересно обрисован Ленин — мыслитель, государственный деятель, философ-гуманист, — и вместе с тем мы чувствуем его простоту, человечность, юмор...

Как видим, создатели фильма и тут идут по тематической целине — дорогой поисков и дерзаний.

Новаторским и смелым явилось выдвижение на роль главного героя нового исполнителя: в образе Ленина мы видим актера Иннокентия Смоктуновского.

Не сомневаюсь, что вокруг трактовки Ленина Смоктуновским могут разгореться споры. Это нередко бывает при столкновении с той или иной — новой — художественной трактовкой. Возможно, что будут говорить о некоторой «непохожести» актера. Однако напомню, что и великий актер Б. Щукин искал в образе Ленина не портретной похожести, а социального, психологического, эстетического соответствия, не внешней схожести, а схожести характера... Весьма возможно, что будут искать и находить другие неточности в решении образа. Упомяну, например, о некотором «высокомерии», выражаемом манерой и жестом Смоктуновского в отдельных эпизодах, скажем, в разговорах с Фрицем Платтеном. Сам я не разделяю этих упреков, так как вижу здесь не выражение внешнего превосходства, а действительно великую силу знания жизни, которой обладал Ленин...

Словом, на мой взгляд, работа И. Смоктуновского — интересная, талантливая, яркая работа. В характере, который лепит актер, я вижу благородную ленинскую, всесильную убежденность в идеях и идеалах революции. Лишь иногда, как мне представляется, артист несколько переигрывает, в частности, когда пытается показать смеющегося Ленина. Тут чувствуются и затяжки и некоторая неестественность.

К работе И. Ольшвангера хочется предъявить и некоторые другие претензии. Первая из них та, что в фильме недостаточно чувствуется раскаленная атмосфера революционной эпохи. Тема революции в фильме «На одной планете» повернута к нам лишь одной ее стороной, той, которая связана с задачей мирного сосуществования. Это законно и это очень важно! Но более широкое, более эмоциональное воплощение образа революции, яростной борьбы народных масс за победу, картин Петрограда на рубеже 18-го года придало бы фильму бо́льшую реалистическую полноту...

О фильме этом хочется говорить, думать, спорить, и, однако, картина, вызывающая, как видим, некоторые критические замечания, является в своей основе серьезной и смелой работой, обогащающей наше киноискусство.

Фильмы С. Юткевича и И. Ольшвангера — это серьезные удачи, двигающие вперед развитие художественной киноленинианы.

Фильм, скромно — я сказал бы, нарочито скромно — озаглавленный «Ленин в Польше», явился новым словом в эстетике кино. И оба произведения, обогащающие идейную проблематику нашего искусства, интересно представляют зрителям интерпретаторов образа Ленина — талантливейших актеров нашего времени.

Киноискусство будет создавать новые и новые произведения, посвященные В. И. Ленину; к этому стремятся и зрители и сами художники: это для них — дело сердца.

Я работаю...

Николас ГИЛЬЕН

Часто мне приходят письма от советских студентов, их интересует, чем я сейчас занимаюсь. «Каковы ваши творческие планы?» — спрашивают они. И первое, что я им отвечаю: конечно, работать. Я прекрасно сознаю, что такой ответ звучит весьма туманно и по меньшей мере невежливо, ибо создается впечатление, что я уклоняюсь от конкретного разговора, которого ждут от меня мои молодые корреспонденты. Поэтому я всегда рассказываю не только о настоящей своей работе, но и делюсь планами на будущее. Есть писатели, которые боятся этого. Они суеверно считают, что если объявят свои планы, то какой-нибудь бесенок непременно сломает перо или перепутает клавиши пишущей машинки. Я не отношусь к таким людям и всегда посвящаю в свои планы. Это позволяет мне добиться чего-то вроде компромисса с читателем, когда я должен обязательно закончить произведение, поскольку уже говорил о нем.

Еще несколько лет назад в Буэнос-Айресе я написал первые стихи из книги, которая скоро увидит свет. Она называется «Большой зоопарк». Шесть стихотворений из нее были написаны в аргентинской столице. Утром 18 мая я закончил последнее стихотворение из этой книги. «А что представляет собой этот Большой зоопарк?» — спросите вы. Прежде всего сборник стихов о разных несуществующих животных, которые в данном зоологическом саду не что иное, как явления природы (ветры, циклоны), географические приметы (например, вулкан Аконкагуа), американский расизм (есть животное по имени Линч), музыкальные инструменты, в частности гитара, планеты (животное по имени Луна), голод, атомная бомба, Карибское море, жажда, гангстер и т. д.

Многие поэты создавали свои «зверинцы», но животные у них были настоящие. Вспоминаю стихи поэта моей юности мексиканца Хосе Хуана Таблада:

Павлин, неся блестящий шлейф,
Плывешь ты, как процессия...

В моей книге (и прошу простить мне нескромность) животные не выступают как таковые. Я заимствовал их внешность, а иногда даже только название или отдельные, особо приметные качества и детали их облика, которые поэт может использовать в другом значении, подчас применительно к неодушевленным предметам. Благодаря этому писатель имеет громадные возможности широко и свободно распоряжаться разнообразными и необычными художественными приемами для создания яркого образа. По крайней мере, таково мое мнение. Форма стиха традиционная. Язык простой и доступный; он делает как бы незаметными все поэтические условности. Действительно, у меня, например, есть Луна, но она не та, что в романтических и даже модернистских произведениях. Совершенно естественно, что Луна в Большом зоопарке, конечно, животное.

Металлическое млекопитающее.
Ночь.
Лицо, изъеденное оспой.
Спутник. Сонеты.

Случается, что среди животных вдруг оказывается человек, но это фактически то же животное. Это достигается не прямым сопоставлением сходных признаков, а посредством намеков. Читатель узнает животное, хотя поэт прямо о нем не говорит. Лучше всего проследить это на примере стихотворения, озаглавленного «Барыня».

Эта необъятная барыня
Ранена гарпуном на улице.
Ее подбившие рыбаки
Надеялись на мясо,
Тонкий и гибкий ус,
На жир...

Во всем этом коротеньком стихотворении животное не называется. Но читатель понимает, что эта необъятная барыня — символ кита.

В стихотворении об атомной бомбе я попытался отойти от тех художественных средств, которые использовались уже многими поэтами. Несмотря на то, что речь идет о самом страшном когда-либо изобретенном человеком средстве уничтожения жизни, я употребляю наиболее простые и обыденные слова, что создает еще более драматическую обстановку.

Атомная бомба также достояние Большого зоопарка. Служащий, проводя по зверинцу посетителей, среди которых один поэт и остальные читатели, говорит им о правилах обращения с животными. По содержанию эти правила свободно могут быть перенесены в область политики, так как в них слышится явный намек на гонку атомного вооружения и угрозу, которую она представляет для мира. Таков смысл стихотворения, строки которого, надеюсь, скажут сами за себя:

Это бомба. Взгляните на нее.
Сейчас она мирно спит.
Но, пожалуйста,
Не трогайте ее
Палками, хлыстами, шипами,
Камнями.
Запрещается
Бросать ей пищу.
Можно лишь гладить
И смотреть на нее.
Таков приказ Управления,
Но никто, даже Министр,
Не обращает на это внимания.
Это — очень опасное,
Вредное животное!

Наряду с этим страшным животным — бомбой — есть существа, полные милого простодушия, как, например, бумажная птичка:

Одна,
В своей крошечной клетке,
Спит
Бумажная птичка.

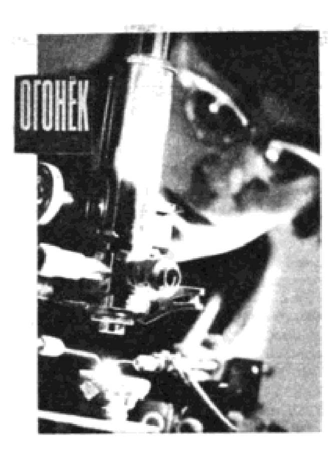
Должен сказать, что именно с этими стихами связаны у меня приятные воспоминания. В январе нынешнего года на двух страницах гаванской газеты «Эль Мундо» была опубликована подборка этих стихов, которые нашли большой отклик среди молодежи. Многие молодые люди приходили ко мне; другие звонили по телефону. Несколько самых молодых кубинских поэтов организовали передачу по радио. Получилось что-то вроде круглого стола, за которым происходило обсуждение стихов. Они были названы новаторскими. Радиоразговор продолжался полчаса, и я ему многим обязан. Эти юноши разглядели в моих стихах не только то, что я хотел до них донести, но и многое из того, что я сам не увидел, разные намеки, скрытые сравнения и противопоставления и прочее... Так всегда бывает с поэзией.

В заключение скажу, что книга уже сдана в печать. Предисловие написано не мною и не маститым писателем, а списано с магнитофонной ленты, отражающей беседу молодежи во время обсуждения стихов. Это очень большая честь для меня. И это не демагогия и не красивые слова — они мне вовсе не свойственны. И молодые поэты, со своей стороны, отвергают их с той же честностью и чистотой, с какой встретили мои новые стихи.

Гавана, июнь
(по телефону).

Copyrighted material

БЛЕСТИТ ЛИ ЗОЛОТО

Репортаж из научно-исследовательского института ведет Александр ОСИПОВ

❊ Полимеры добывают золото ❊ Путешествие в глубь земли ❊ Электрическое ухо

То, что предлагают сотрудники Центрального научно-исследовательского горноразведочного института цветных, редких и благородных металлов в содружестве с другими учеными, возглавляемыми членом-корреспондентом АН СССР И. Н. Плаксиным, просто и оригинально. В смесь руды с раствором цианида вводят ионообменную смолу. Словно губка, она жадно поглощает золото. Затем надо лишь отделить механическим путем смолу от смеси и с помощью обычного электролиза получить золото высокой чистоты.

Так полимеры проникли еще в одну недоступную им до сих пор страну — геологию.

Новый метод уже вышел из стен лаборатории.

Не все то золото, что блестит. Это известно. А все-таки блестит ли золото, какое же оно? В чистом виде золота в природе не встретишь, к нему всегда примешивается серебро. Поэтому и стараются определить содержание того и другого, иначе говоря, пробу золота.

— Добро серебро, а золото лучше,— начинает разговор профессор Михаил Николаевич Годлевский, возглавляющий отдел минералогии.— Сейчас, чтобы определить пробу золота, приходится перерабатывать десятки килограммов руды, долго промывать ее, постепенно отделяя тяжелые крупинки драгоценного металла от более легких минералов. Но можно поступить иначе...

И тут нам продемонстрировали эффектное зрелище. Лаборантка отыскала в куске руды зернышко золота, подвела к нему тонкие медные электроды и включила ток высокого напряжения. Искра! Ее сфотографировали через спектрограф. Расшифровав этот своеобразный снимок, ученые точно определят пробу золота. На все это требуются не часы, а минуты.

Спектральный анализ помогает обнаружить в рудах такие металлы, как платина и палладий, и их спутники: рутений, родий, осмий, иридий. Эти металлы широко применяются в современной технике и научной аппаратуре, но содержание их в рудах ничтожно — в десятки и даже в сотни раз меньше, чем, скажем, платины. Метод, разработанный сотрудниками института В. П. Хвостовой и Д. М. Лившиц, позволяет обнаружить в рудах стомиллионные доли процента этих металлов.

Едва защитив диссертацию, кандидат технических наук Борис Сергеевич Светов снова стал студентом, окончил механико-математический факультет. Несколько лет назад Борис Сергеевич объединил группу молодых инженеров и вместе с энтузиастами Физико-механического института Академии наук Украины стал разрабатывать аппаратуру для поиска руд, скрытых поверхностными отложениями.

И вот готов портативный прибор. Его основной узел — измеритель — весит всего около восьми килограммов. Согласитесь, это не так уж безразлично тем четырем операторам, которые обслуживают прибор в поле.

Возможности новой аппаратуры широки и многообразны. Ученые загоняют электромагнитные волны под землю, и те доставляют на поверхность информацию о месте и глубине залегания полезных ископаемых.

Поиск идет на глубине до ста метров. При этом охватывается площадь двенадцать квадратных километров. Это почти вдвое превышает возможности существующей аппаратуры. В отделе создается вариант прибора, который сможет вести геофизические исследования прямо с самолета.

А вот еще один прибор — «САФИ-3». При разведке полезных ископаемых геологи, чтобы подтвердить свои предположения, обычно бурят скважины. С их помощью находят рудное тело, определяют его размеры. Это продолжительная, дорогая и недостаточно точная работа: земля между скважинами остается неисследованной. «САФИ-3» позволяет быстро выявить место залегания руд, даже если они находятся на расстоянии до 100 метров от скважины. Теперь можно вдвое уменьшить количество пробуриваемых скважин, значительно удешевить геологическую разведку.

Мы рассказали лишь о некоторых работах, ведущихся в институте. Научный поиск сулит стране открытия новых и новых месторождений драгоценных металлов.

ЛЕГЕНДА? ДА!

При жизни император и самодержец всероссийский Александр Павлович не пользовался особой любовью и популярностью среди соотечественников. «Лицемер и отцеубийца»,— называли его даже лица из ближайшего окружения. И хоть о покойниках (тем более августейших) принято говорить только хорошее, А. С. Пушкин безжалостно нарушил эту традицию: «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда». «Его мы очень смирным знали, когда не наши повара орла двуглавого щипали у Бонапартова шатра». Так отозвался великий поэт о покойном императоре.

Нелепо, но факт: популярность и интерес общественный особа Александра Павловича вызвала лет этак через пятьдесят после его смерти. И популярность эту принесли Александру не его труды на ниве российской государственности, а смиренный, без роду и племени старец с прозаическим именем: Федор Кузмич.

Весь мир облетела легенда о том, что император Александр I вовсе не умер в 1825 году в Таганроге, а добровольно стал бесправнейшим из бесправных граждан Российской империи в образе выпоротого плетьми старца Федора Кузмича... И хотя никто из серьезных историков XIX и XX веков не придавал этой легенде ни малейшего значения, она долгое время вызывала жгучий интерес в самых широких кругах русского общества. Последний раз вспышка интереса к личности Федора Кузмича произошла в 20—30-е годы нашего века среди кругов русской монархической эмиграции. В те годы интерес этот в известной мере подогревался искусственно и преследовал вполне определенную политическую цель — постараться привлечь угасший интерес западной общественности к выброшенной на свалку истории династии Романовых, к находящимся в эмиграции членам императорской семьи и т. п. Совсем недавно легенда о старце Федоре Кузмиче вновь привлекла пристальный интерес читателей, на этот раз в связи со статьями известного советского писателя Л. Любимова в «Неделе» и журнале «Вопросы истории».

Все это и побудило нас обратиться к документальным материалам советских архивов, воспоминаниям современников, печатным источникам, прямо или косвенно связанным со смертью императора Александра Павловича и легендой о Федоре Кузмиче.

Кем же был в действительности старец Федор Кузмич? Где во всей этой истории кончается правда и начинается вымысел? Есть ли в действительности хоть малейшие основания для поддержания версии о тождественности личности Александра I и старца Федора Кузмича?

Чтобы ответить на эти и связанные с ними вопросы, обратимся сначала к личности самого томского отшельника. Что же о нем известно? Известно, во-первых, что появился он в Сибири в 1837 году (то есть через 12 лет после смерти Александра), до 1859 года несколько раз менял свое местожительство. В 1859 году поселился (на этот раз постоянно) у томского купца С. Ф. Хромова. Известно, во-вторых, что старец не чурался частных встреч и бесед с местными церковнослужителями и заезжими путешественниками, но о прежней своей жизни никогда ничего не рассказывал. Был, как говорили, весьма начитан и образован, но ведь поразить образованием и знанием изящной словесности томских купчиков да провинциальных духовных лиц — дело не столь уж хитрое. Во всяком случае, никаких объективных доказательств своей учености старец не потрудился оставить. Известно, в-третьих, что старец скончался 20 января 1864 года, оставив после себя лишь некую загадочную записку (к ней мы еще вернемся). На этом и кончаются все **факты**, связанные с личностью старца Федора Кузмича. Как видим, они не дают ни малейшего указания на какую бы то ни было связь между томским старцем и могущественнейшим императором всероссийским Александром.

Как же родилась легенда о томском отшельнике? Обратимся к ее истокам. В конце 60-х годов в городах и селах Российской империи распространились слухи о том, что-де в С.-Петербург приехал с бумагами от «благочестивого старца» Федора Кузмича томский купец Хромов (тот самый, в доме которого квартировал и скончался старец). Что-де этот самый Хромов был принят императором Александром II, который бумаги старца взял, а привезшего их купца посадил в Петропавловскую крепость. Впрочем, после того, как Хромова живым и невредимым обнаружили в Томске, версию несколько переначили. Хромов-де и взаправду был засажен в Петропавловку, но затем выпущен под честное

Copyrighted material

А. Мыльников. ВЕРАНДА.

Copyrighted material

С. Чуйков. ЖИВАЯ ВОДА. ИЗ ЦИКЛА «У НАС В КИРГИЗИИ».

Э. Калныньш. НА РИЖСКОМ ВЗМОРЬЕ.

Copyrighted material

слово с обязательством держать язык за зубами. А суть секрета, как якобы «достоверно» было известно в блестящих аристократических салонах столицы и захолустных постоялых дворах на окраинах империи, заключалась в том, что квартирант Хромова был не кто иной, как... император Александр Павлович, порвавший с греховной светской жизнью в 1825 году. Раз родившись, легенда эта, как снежный ком, обросла тысячью самых нелепых и фантастических подробностей. Она была с удовольствием принята и в высшем свете и в народных массах, разумеется, и там и там по причинам, отнюдь не одинаковым.

Доказать нелепость этой историйки было не так уж трудно. «При самой тщательной проверке,— писал в 1907 году в книге «Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузмича» великий князь Николай Михайлович,— оказалось, что в списках лиц, когда-либо сидевших в Петропавловской крепости, никакого Хромова никогда не было, что в делах третьего отделения не осталось никаких следов ни о Хромове, ни о переданных им бумагах; наконец, по наведенным справкам, у потомков Хромова, ничего подобного не подтвердилось, кроме самого факта поездки его в Петербург». Кажется, ясно. И тем не менее тайна томского старца периодически становилась предметом оживленного общественного внимания.

Особый интерес в этот период вызывает единственный документ, оставленный пресловутым старцем,— загадочная записка с инициалами «А. П.». Фотокопия ее воспроизводится во многих газетах и журналах, над расшифровкой ее ломают головы многие приверженцы версии о томской мистификации. Все попытки расшифровать записку кончаются неудачей. На эту же записку обращает внимание читателей и писатель Л. Любимов, воспроизведший ее фотокопию в «Неделе». Призывая историков и криминалистов к тщательному исследованию и изучению этого документа, Л. Любимов пишет: «Во всяком случае, подлинно научной экспертизы (записки старца) до сих пор произведено не было». К сожалению, этим утверждением писатель невольно вводит читателей в заблуждение. Дело в том, что экспертиза «записки Федора Кузмича», и притом подлинно научная, производилась криминалистами по просьбе историков года за полтора до опубликования статьи Любимова. Вот что рассказывает о результатах этой экспертизы известный юрист Аркадий Иосифович Ваксберг:

«Решили сличить эти «реликвии» с подлинной рукописью Александра. Дело было нелегким. В руках криминалистов оказался не образец свободного, непринужденного письма императора, а часть официального документа, исполненного парадным, вычурным шрифтом. Старец же тяготел к церковнославянскому письму, хотя и не чурался форм письма светского.

Рукопись сфотографировали, и сильно увеличенные фотоснимки подвергли графическому исследованию. Сначала, как нередко бывает в таких случаях, бросились в глаза отдельные совпадения [1]. Интересно, что схожими оказались наиболее характерные детали некоторых букв (их легче всего подделать). На этом сходство и закончилось. Не нашлось ни одной буквы, исполнение которой совпадало бы полностью: если совпадала одна деталь, то другие резко различались, причем различия были постоянными, устойчивыми, а не случайными.

Старец, видимо, был не слишком силен в подделке и, как все мошенники, не думал, что его могут разоблачить».

Так обстоит дело с единственным документом, оставленным старцем,— его запиской.

Однако допустим на минуту, что смерть императора Александра I в Таганроге действительно была всего лишь инсценировкой. В таком случае к этой мистификации должно было бы быть причастным крайне небольшое число самых ближайших и доверенных людей, доверенных как самого Александра I, так и в глазах будущего императора. Было бы крайне рискованным и неразумным посвятить в тайну подобной мистификации хотя бы одного человека, в отношении которого нельзя было иметь абсолютно полной уверенности, что он сумеет сохранить тайну. Ведь если то, что произошло в Таганроге, и в самом деле было мистификацией, то разоблачение тайны угрожало не только трону самого Николая I, не только стабильности его правительства, нет, оно могло повлечь за собой такие политические осложнения, последствия которых для династии Романовых невозможно даже представить.

Пребывание Николая I на российском престоле было бы незаконным: ведь он короновался при живом, законном царе! Все указы и другие нормативные акты, изданные им, не имели бы никакой юридической силы. И самое главное — в случае внутренней смуты, крестьянского восстания и т. п. всегда мог бы найтись самозванец, к которому «толпу безумцев привлечет Димитрия воскреснувшее имя»!

Следовательно, если допустить предположение, что мистификация в Таганроге все же имела место, то следует тут же признать, что круг ее участников должен был быть крайне и крайне мал — человек 4—5 как максимум. Но это условие было нарушено уже в самом начале (ниже мы более подробно остановимся на этом).

Восстановим картину болезни и смерти Александра I, как она излагается в рассказах лиц, сопровождавших императора в его последней поездке, и подтверждается документами. Первые признаки опасного недуга (злокачественной лихорадки) Александр I ощутил 4 ноября в Мариуполе на пути из Крыма. Сутки спустя по прибытии в Таганрог состояние Александра угрожающе ухудшилось, сделав невозможным продолжение поездки. По настоянию врачей император слег в постель. С этого момента в течение последующих двух недель болезнь прогрессировала и привела 19 ноября к летальному исходу. В продолжение всего хода болезни начиная с 5 ноября состоявший при императоре генерал-адъютант, князь П. М. Волконский вел подробные записи о состоянии здоровья Александра. Подробнейшие отчеты о течении болезни и смерти императора оставили его личные врачи Виллие и Тарасов.

Сопоставление и анализ этих документов не дают основания даже для малейшего сомнения в их достоверности. Кто же засвидетельствовал смерть Александра I? Кто имел доступ к телу императора в первые дни после его смерти? Если допустить, что вместо Александра в гробу находился другой умерший человек, все эти лица были причастны к тайне.

Подлинник акта о смерти императора подписан генерал-адъютантом начальником Главного штаба Дибичем, генерал-адъютантом князем П. М. Волконским, личными врачами Александра I лейб-медиками Виллие и Строффегеном. Все эти люди, великолепно знавшие покойного в течение долгого времени, никогда не выражали впоследствии ни малейшего сомнения по поводу обстоятельств смерти Александра. Что касается фразы из письма П. М. Волконского о некотором изменении черт лица покойного, на что ссылается в своей статье Любимов, то, во-первых, П. М. Волконский нисколько этому не удивляется и не выражает по этому поводу никакого недоумения, а во-вторых, сразу же после смерти с лица Александра была снята гипсовая маска, лучше всяких слов говорящая о личности покойного. Фотография этой маски опубликована, она является точной копией прижизненных портретов Александра.

Во вскрытии и бальзамировании тела Александра приняли участие 9 врачей. Прибавьте к ним генерал-адъютанта Чернышева, скрепившего своей подписью протокол вскрытия, и вы получите довольно большой список хранителей «великой тайны». И все это, не считая многочисленной челяди — камер-лакеев, охраны и т. п.— свидетелей болезни и смерти императора. Кстати, доступ к телу императора имели и лица совсем посторонние — об этом говорят некоторые обнаруженные нами документы Центрального Государственного военно-исторического архива Союза ССР. Заметим снова, что никто из перечисленных здесь лиц также никогда не сомневался в личности покойного. Однако давайте запишем и их в число участников невиданной мистификации и посмотрим, как же развивались события дальше.

А дальше вопреки всякой логике организаторы инсценировки (если бы она имела место) приложили титанические усилия к тому, чтобы ее провалить и раскрыть скандальную тайну. Начать с того, что на всем пути следования траурного кортежа гроб с телом покойного многократно вскрывался в присутствии лиц, лично знавших императора, и тем самым в число хранителей тайны вовлекались десятки все новых и новых лиц.

В упоминавшейся выше книге великий князь Николай Михайлович приводит выдержку из документа о вскрытии гроба в селе Чашниках. Нам удалось обнаружить в ЦГВИА СССР подлинник этого документа — письмо генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова уже упоминавшемуся выше начальнику Главного штаба Дибичу. Текст этого документа приведен великим князем с искажениями, опущением некоторых имен. Приведем выдержку из него. «По благополучному выступлении из Москвы на втором ночлеге в селе Чашников 7 февраля в 7½ по полдни,— пишет Дибичу Орлов-Денисов,— по удалении всех посторонних из церкви господами генерал-адъютантами: графом Остерман-Толстым, Бородиным, Сипягиным и мной,— флигель-адъютантами, полковниками: Германом, Шкуриным, Кокошкиным, графом Залуцким и Челаутиным, так же гвардии полковником Соломкою, кавалергардского полка ротмистром Араповым и медико-хирургом Тарасовым, для удостоверения насчет положения самого тела императора Александра I, предпринимаемо было вскрытие свинцового гроба... Когда же свинцовая крышка со всею осторожностью была нами поднята, то положение самого тела в гробу представилось нам в совершенном порядке и сохранности, так что в укладке оного на путешествии ни малейшей перемены не последовало. При сем вскрытии, кроме ароматного и бальзамического запаху, никакого газу не было приметно...» Кроме этого, гроб неоднократно вскрывался впоследствии, в том числе в присутствии Аракчеева, представителей столичной знати и высших сановников. И, наконец, совсем уж невероятный способ сохранить тайну мистификации: недалеко от Царского Села гроб императора был вскрыт, чтобы с покойным попрощался принц Вильгельм Прусский, прекрасно знавший Александра, часто встречавшийся с ним. Комментарии, как говорится, излишни.

Таким образом, мы можем с полным основанием утверждать, что как архивные документы, так и свидетельства и воспоминания лиц, так или иначе причастных к смерти Александра I, не оставляют камня на камне от легенды о старце Федоре Кузмиче.

История старца Федора Кузмича, освященная к тому же могучим гением Л. Н. Толстого, безусловно, романтическая, способная увлечь воображение легенда. Но легенда — это все-таки всего лишь легенда. Смерть же императора Александра I, последовавшая 19 ноября 1825 года в Таганроге,— исторический, документально подтвержденный факт.

В. ПРОКОПЕНКО,
А. ИЛЛЕРИЦКАЯ,
старший научный сотрудник Центрального Государственного военно-исторического архива Союза ССР

[1] Совпадения с начертанием букв в рукописях Александра I.

И. БОРИСОВ

После боя

Мне жизнь сегодня втрое дорога.
Я мог бы не вернуться с поля боя,
Когда, еще не избранный тобою,
Я мог быть избран пулею врага.

Не знаю, рассказать тебе смогу ль,
Как с обнаженным сердцем трудно было
Перешагнуть возможную могилу
Под звездопад трассирующих пуль,

Как припадал, зажав траву в горсти,
К родной земле
и как вставал, ликуя...

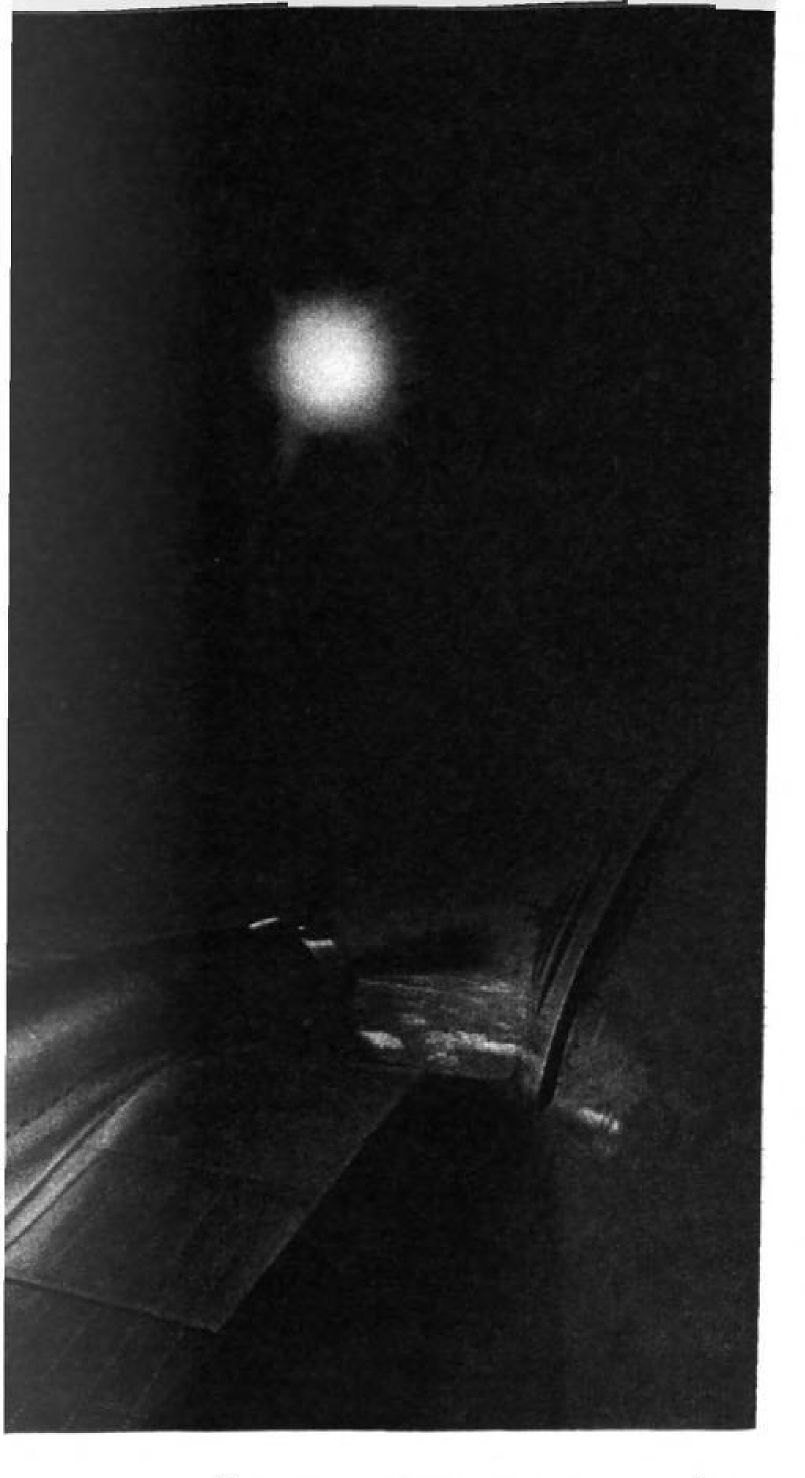
Я мог бы с той войны и не прийти!..
Так как же от тебя уйти смогу я?!

Перевел с еврейского
Владимир ФИРСОВ.

Copyrighted material

ПОГОНЯ ЗА СОЛНЦЕМ

Алексей ГОЛИКОВ, специальный корреспондент «Огонька»

Наш самолет казался сказочным кораблем, прилетевшим на край ночи.

Фото автора.

Иду к бетонной полосе, где должен стоять самолет летной экспедиции. Я получил разрешение познакомиться с ее работой, принять участие в полетах этого своеобразного отделения Центральной аэрологической обсерватории Главного управления гидрометеослужбы при Совете Министров СССР. На вопрос: «Как найти на аэродроме «научный» самолет?» — мне ответили: «У него под фюзеляжем контейнер».

Руководствуясь этой приметой, останавливаюсь у пассажирского лайнера «ИЛ-18», которому контейнер, похожий на торпеду, придает грозный боевой вид. Все правильно! Вот и начальник экспедиции опытный летчик Виктор Петрович Юриков.

— Мы летаем по заданию ученых,— говорит Виктор Петрович,— над морями и над горами, над раскаленными Каракумами и над Северным полюсом. Бывают рейсы и в сложных метеорологических условиях, даже в грозовых облаках. Для таких полетов требуются авиаторы высокого класса. Экипаж нашего, например, самолета постоянно работает в Заполярье: ведет ледовую разведку, перевозит пассажиров и грузы по северным трассам.

Командир корабля Георгий Иванович Шуварин раньше служил в морской авиации. Да и второй пилот Анатолий Андреевич Колчанов — тоже бывший моряк, летчик-торпедоносец. Штурман Виктор Романович Вощенко, бортинженер Аркадий Петрович Воронин и бортрадист Николай Дмитриевич Седов — однополчане: служили в Военно-Воздушных Силах.

Сегодня в экспедиции идут последние приготовления к полету. Проверяют приборы, оборудование. Меня заинтриговал загадочный контейнер под фюзеляжем. Спрашиваю:

— А что в этой «торпеде»?

Отвечают:

— Научная аппаратура.

Самолет «ИЛ-18» — своеобразная крылатая лаборатория. В салонах вместо пассажирских кресел приборы и аппараты. Тут все необходимое для того, чтобы в полете фотографировать облака, регистрировать метеорологическую информацию и вести визуальные наблюдения. Здесь и прибор для измерения ультрафиолетовой солнечной радиации.

— Под ее воздействием,— рассказывает аспирант Вячеслав Михайлович Ратьков,— в атмосфере образуется озон. А меня интересуют вопросы, связанные с возникновением этого газа и распространением его в атмосфере.

Сейчас свойствами озона интересуются не только физики, биологи, химики, но и самолетостроители. Ведь в ближайшие годы на воздушные трассы выйдут сверхзвуковые пассажирские самолеты. Они будут летать на высотах 25—30 километров, как раз там, где наибольшее количество озона, газа, известного как очень сильный окислитель. Он может плохо повлиять и на металлы, из которых построены самолеты, и на двигатели, да и на здоровье пассажиров, которым придется дышать забортным воздухом.

За делами и разговорами день прошел как-то незаметно. Прощаясь, начальник экспедиции предупреждает:

— Завтра вылет в семь утра...

ГОЛУБАЯ ЗАПАДНЯ

Американский лайнер «Боинг-720» с пассажирами на борту летел на высоте двенадцати тысяч метров. Рейс проходил на редкость спокойно, небо прозрачное, голубое, ни облачка. Вдруг неведомая сила бросила самолет вверх, а потом в отвесное пикирование. Напрасно пилоты пытались выровнять машину: рули словно заклинило. За 90 секунд «Боинг» упал с двенадцати тысяч метров до трех. Только на этой высоте машина вновь стала управляемой. Катастрофы удалось избежать.

Что же произошло? «Боинг» попал в турбулентный поток: при ясном небе на него неожиданно обрушились невидимые глазу воздушные вихри огромной силы. С этим опасным явлением летчики столкнулись, когда стали летать на больших высотах. И сейчас турбулентность в ясном небе — проблема номер один для безопасности полетов.

Это рассказал мне кандидат физико-математических наук Василий Иванович Шляхов, заместитель директора Центральной аэрологической обсерватории. Он трижды зимовал в Антарктике, а сейчас руководит научными исследованиями на борту крылатой лаборатории.

Мне хочется побольше узнать о турбулентности, но Василию Ивановичу некогда.

— Подробности,— говорит он,— у инженера Константина Михайловича Ускова. Это именно он занимается атмосферной турбулентностью.

Спрашиваю Константина Михайловича:

— Как же мы найдем эту самую турбулентность, коль она невидима и прибора, чтобы ее обнаружить, пока нет?

— Будем искать там, где есть сильные ветры,— отвечает Константин Михайлович.— Чаще всего турбулентность возникает в зоне струйных течений в атмосфере. Эти воздушные реки бывают постоянными, а бывают и временными. Ширина их — от 200 до 10 тысяч метров. Скорость воздушного потока порой достигает большой величины. Известно струйное течение над Кордильерами, скорость которого — 800 километров в час. Сами по себе эти течения опасности для самолетов не пред-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 30, 31.

ОПЕРАЦИЯ «СПИННИНГ»

...Сорок третий год. Западная Белоруссия. Где-то совсем близко советские войска. Скоро они придут и в эту деревню. Но не дождалась их Катерина. Ждала свободы, а свалилось горе. Под конвоем их пригнали на станцию, всех тех девчат и парней, что остались в живых. Подали состав из двухосных вагонов с зарешеченными окнами и надписями на дверях: «Мы добровольно едем в Германию». Молча стояли угрюмые немецкие солдаты, держа на поводке огромных овчарок с налитыми кровью глазами.

Ее никто не провожал. Отец погиб на фронте еще в сорок первом. Мать до смерти избили гитлеровцы, когда узнали, что Катин брат ушел к партизанам. Катерину взяли к себе добрые люди. Вначале прятали, а потом, когда стало полегче, пристроили стирать белье офицерам. И вот новая беда: всю молодежь в Германию отправляют.

В рабочих лагерях она подружилась с антифашистом Питом. Сперва это была только дружба молодых, которых сблизила неукротимая жажда мести за кровь, за побои, за пытки. А потом пришла любовь, которая во сто крат умножает гаснущие силы. И, может, любовь эта помогла им вынести все, что пало на их плечи в неволе. Из лагерей их отправили в услужение к немцу-кулаку, в деревню, что где-то над Рейном. В первые дни им обоим это показалось сущим раем. А потом рай обернулся кромешным адом: побои, издевки, глумления, работа с рассвета до темноты — в поле, хлеву, на огороде, кухне. Хозяин, не стыдясь

Copyrighted material

ставляют. Если попутные, то даже приносят пользу — скорость увеличивают. Но по краям течения, там, где оно граничит с менее подвижными слоями атмосферы, возникает опасная зона.

— Мы обнаружим турбулентность только тогда, когда попадем в нее? — говорю я.

— Конечно. Это и нужно. Специальные приборы отметят, какие нагрузки воспримет самолет, как он будет вести себя. Эти данные помогут определить характер турбулентности, ее структуру.

Я слушаю без особого энтузиазма, ибо тут же вспоминаю рассказ про то, как ведут себя самолеты в турбулентности. Конечно, наука требует жертв, но...

— В районе, куда мы идем, нельзя ожидать сильной турбулентности,— улыбается Константин Михайлович.— Да и для летчиков она не будет неожиданностью, а это очень много значит. Некоторые специалисты считают: если пилот за полторы-две минуты будет предупрежден об опасности, он сможет с ней справиться.

Ну что же, полетим — посмотрим!..

...Раздалась команда: «Приготовиться к работе. Всем не занятым по заданию пристегнуть привязные ремни». Значит, мы уже в районе турбулентности. Поглядываю в окно. Впереди безмятежная голубизна.

С разрешения начальства я не пристегиваюсь ремнем — хочу запечатлеть фотокамерой поведение самолета в этой самой турбулентности. Вдруг наш «ИЛ-18» подбросило вверх, повалило на крыло, кинуло вниз. Успеваю заметить, что за окном по-прежнему ясное небо, а концы крыльев самолета сотрясаются мелкой, нехорошей дрожью. Еще один-другой бросок — и зона турбулентности остается позади.

— А знаете,— говорит Константин Михайлович,— приборы отметили, что во время турбулентности крылья самолета и фюзеляж изгибались волнообразно.

Повреждение этому американскому самолету причинили не зенитные снаряды, а воздушные вихри — турбулентность при ясном небе.

ПОЛЕТ НА КРАЙ НОЧИ

Крылатая лаборатория держит курс на Армавир. Будут исследоваться явления, связанные с затмением Солнца. Не могли же ученые не воспользоваться грандиозным экспериментом, поставленным самой природой.

Вдруг получаем сообщение: на линии Туапсе — Армавир — Ставрополь, где затмение должно быть наиболее полным, плохая погода. Действительно, когда мы подошли к цели, Солнце, как говорят метеорологи, было закрыто облачностью, связанной с грозовой деятельностью.

— Что решим? — спрашивает Василий Иванович Шляхов у командира корабля.

— Добираться до Солнца. Чего не сделаешь ради науки!

Увеличиваются обороты двигателей. Начинаем пробивать облачность. Самолет словно попадает в серую вату. Подбросило раз, другой... Это дает себя знать «грозовая деятельность». Высота 9 500. Облака остались внизу, но Солнца не видно. Над нами еще слой облаков, таких же плотных, таких же грозовых.

— Попробуем еще,— говорит командир корабля.

И опять мы погружаемся в серый непроглядный туман. Опять меняем курс, обходя грозы. Самолет медленно, словно усталая лошадь, ползет вверх: «ИЛ-18» не рассчитан для полетов на таких высотах. Стрелка альтиметра показывает 10 тысяч метров над уровнем моря, а мы еще в облаках.

— Если и не пробьемся к Солнцу, то все равно сделаем ценные наблюдения,— утешает себя Василий Иванович.

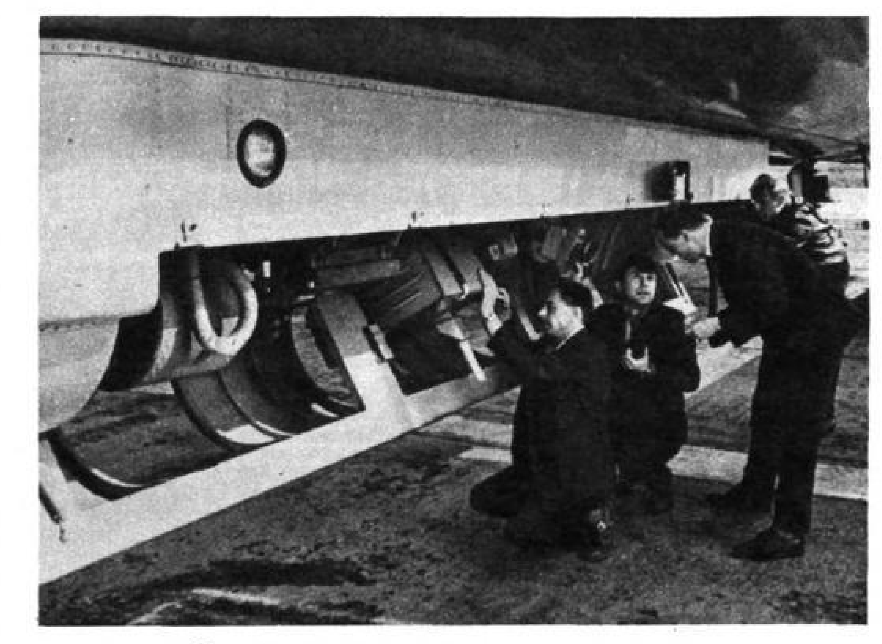
И вот, когда все уже потеряли надежду пробиться к Солнцу, когда альтиметр показывал 10 500 метров, самолет внезапно вырвался из тусклых облачных объятий. В салонах посветлело. Ослепительное Солнце дробится и искрится во вращающихся лопастях винтов, сверкает на обшивке крыльев. А облака под нами стали белоснежными, легкими, сияющими.

Засияли от радости и все участники экспедиции. Раздалась команда: «Приготовиться к работе». Сразу все пришло в движение... Требовалось большое искусство, чтобы на этой предельной для «ИЛ-18» высоте выдержать нужный ученым режим полета.

Затмение началось. Ученые уже ведут свои исследования, а я еще не замечаю никаких изменений в освещенности. Но постепенно мир тускнеет. Слиняла голубизна неба, пожухли плоскости самолета, потемнели облака внизу, в салонах зажегся свет. Мне разрешили пристроиться с фотоаппаратом у одного из прозрачных фонарей, которыми оборудована машина. Я выглянул в фонарь и словно попал в какой-то иной, фантастический мир. На темном небе тускло сияло узенькое колечко — все, что осталось от закрытого Луной Солнца. Облака внизу лежали черные, окаменевшие, словно поверхность чужой планеты. И наш «ИЛ-18» в этом трепетном темном мире казался сказочным кораблем, прилетевшим на край ночи.

На мгновение представилось, что так все и останется навсегда. Но законы небесной механики незыблемы. Солнечное колечко скоро превратилось в узкий месяц. Он рос на глазах, и небо вновь обретало голубизну, фантастический мир исчезал, как ночные тени.

А когда Солнце вновь засияло во всем своем великолепии, облака, словно по заказу, рассеялись и показалась Земля. Полет лаборатории был завершен.

Подготовка научной аппаратуры к полету.

детей и супруги, приставал к Кате, за что, правда, был бит дважды: женой в открытую и Питом тайно, ночью. Для влюбленных вся эта история обернулась наихудшим образом. Пита нещадно колотил хозяин, Катю — хозяйка...

Но вот уже война хлестнула и по немецкой земле. Молодые с надеждой смотрели на Восток: скоро ли она придет, долгожданная свобода?

Однако первыми в деревне появились американцы. Это случилось в тот майский день, когда мир узнал о капитуляции фашистской Германии.

Конец войны, можно возвращаться по домам. Месяц пролетел, будто один день. Наконец комендант объявил Питу, что через несколько дней он получит пропуск. Куда? К родителям.

— А можно и к родителям и туда? — И Пит показал рукой на Восток.— Моя жена Катерина оттуда, из России... Мы сперва заедем к моим родным. Это недалеко. А потом к ней, в Россию... Хорошо? Можно? Когда прикажете получать пропуска, господин комендант?

Американец неопределенно ответил: «Да, будут пропуска». Прошел еще месяц, а пропусков не давали. Наконец их позвали в комендатуру. За столом рядом с американцем сидел белобрысый толстяк в щеголеватом штатском костюме.

— Это ваш земляк, мисс Катерина,— галантно раскланялся американец.— Знакомьтесь, мистер...

«Мистер», не дожидаясь, пока назовут его фамилию, бросился обнимать Катерину и даже прослезился.

— Да, много горя, доченька, хлебнул наш народ. Ой, как лютовал враг на родной земле! И так ноет сердце, так тянет до белорусских лесов! Но вот беда какая — теперь там лютует энкавэдэ. Читай, доченька, читай и думай.

И белобрысый толстяк протянул ей газету «Батьковщина» на белорусском языке. Тогда она не знала, что этот грязный антисоветский листок начал издаваться в Западной Германии на американские деньги. Через всю первую полосу заголовок: «Террор большевиков в Белоруссии». «Колыма, лагеря, пытки — вот что ждет дома белорусов, находившихся в плену у немцев».

— Но я же не виновата в том, что меня насильно угнали...

— Наивная ты, доченька. Ну кто станет разбираться... Послушай, Пит, женщины никогда не отличались обилием мозгового вещества. Возьми эти газеты, пусть она тебе почитает их. И потом на семейном совете решите. Я же вам добра хочу... Посмотрите рассказы очевидцев, и, как мужчина, сам реши, куда вам лучше всего податься. Только смотри, парень, потом не пожалей...

И Пит решил за обоих:

— Поедем лучше, Катерина, к моим старикам. Поживем — увидим. Время покажет... Ты не грусти. Отец у меня тоже был антифашист. Не знаю, остался ли в живых... О русских он всегда говорил уважительно.

Когда окончательно отпал Катин вариант — ехать вместе в Белоруссию, молодых стали уговаривать в комендатуре подписать контракт с американцами, вербовавшими рабочую силу за океан. И снова появился белобрысый толстяк с газетенкой «Батьковщина». Он совал все тот же грязный листок, на котором рядом с рассказами «очевидцев» об «ужасах террора красных» публиковались «свидетельства счастливчиков», уехавших за океан. Что делать, кому верить? Катя уже заколебалась было, но Пит настоял на своем.

— Нет, Катюша. Мы с тобой не поедем за океан. Мы — к моим старикам... Живут они, правда, бедно да тесно. Но что поделаешь — все-таки отчий дом.

И они отправились туда, где до войны жили родители Пита.

Шли годы. В доме Пита девушку из Белоруссии приняли, как родную дочь. Пришлась она им по душе — красивая, ласковая, работящая, хорошая жена и мать: сына родила и назвала в честь погибшего деда — Петром. Подрос сынок, пошла работать. На фабрику. Ткачихой. Специальность получила. Радовалась. Но недолго. Началась безработица, и ее первой выкинули за ворота: жена неблагонадежного Пита, члена общества дружбы с СССР. Она долго ходила без дела — всюду отказывали.

Однажды Катя познакомилась с русской женщиной Валей — Виолеттой,— так она отрекомендовалась. Разные дороги привели их в чужой город. Катю — любовь к Питу, а эту — предательство. У себя в родном городе она служила у оккупантов в гестапо и вместе со своим любовником-эсэсовцем удрала в Германию. Там он ее бросил, и вот уже который год женщина без родины скитается по Европе, по дешевке предлагая свои услуги всякому антисоветскому сброду. Виолетта пообещала свести Катю с человеком, тоже русским, у которого здесь большие связи и который вхож в богатые дома: «Он обязательно тебя пристроит».

Знакомство состоялось буквально через день, в маленьком кафе. Сухощавый, лысый, с усиками, с мышиными глазами, нагловатый хлыщ

Copyrighted material

Мне прописали ванны

Милослав **ШВАНДРЛИК**

Это было около шести утра. Мы с женой услышали какой-то особенный шум, потом что-то пискнуло подобно резиновой игрушке, и в это утро прямо на нашем дворике приземлилась летающая тарелка.

— Вот здорово,— шепнул я,— быстренько приготовь булочки!

Прежде чем жена успела мне ответить, над тарелкой приподнялась крышка, и наружу выскочило нечто среднее между грудным ребенком и летучей мышью.

— Боже мой, отец! — воскликнула жена.— Он живой!

В этом не было ни малейшего сомнения. Существо подскочило к колонке, минуту с интересом ее разглядывало и затем начало качать воду. В тот момент, когда потекла вода, оно завизжало еще громче и принялось пить, если можно назвать это питьем: оно наливало воду в отверстие над правой лопаткой.

Мы с женой смотрели на все это, широко открыв глаза.

— Ты не думаешь, что его нужно позвать к нам? — спросила жена через минуту.

— Лишь в том случае, если оно не ядовито! — сказал я.— Как бы оно меня не ужалило!

— Раз умеет качать воду, стало быть, оно цивилизованное,— заметила жена.— И как бы ты себя чувствовал, если б очутился на Марсе и тебе не предложили бы чашку кофе!

— Пока я жив, мне на Марсе не быть,— отмахнулся я, но в душе признал правоту жены. Необходимо было проявить любезность.

Однако все произошло по-другому. Прежде чем я успел выйти на улицу, существо вскочило обратно в тарелку, и в то же мгновение за ним закрылась крышка. Опять что-то пискнуло, снова раздался шум, и машина взвилась вверх, чтобы спустя несколько секунд исчезнуть в тучах.

— Вот это да! — произнес я немного радостно и испуганно.— Надеюсь, что они не будут клевать на нашу богатую железом воду!

— Что там вода! — замахала руками жена.— Ты только представь, отец, как мы теперь вырастем в глазах наших соседей! Мы, наверно, первые на всем свете можем присягнуть, что марсиане пьют спиной! Когда я представляю, как такого марсианина рисовал Бредбери или Непракта, мне хочется смеяться! Отец, мы еще познаем славу!

— Приятно тебя слушать,— совсем радостно сказал я,— это сообщение о приземлении летающей тарелки на нашем дворике нужно рассказывать со всеми подробностями!

И я тотчас же принялся за дело. На работе я поделился новостью с заведующим. Он покачал головой и позвал врача.

— Так вы видели марсианина? — бодро спросил меня доктор Коукал.

Я рассказал ему все до мельчайших подробностей.

— Это все сверхурочная работа,— сказал доктор.— Нужно напрячь все силы и думать о чем-нибудь совершенно другом. Я пропишу вам ванны.

— Не хочу ванны! — запротестовал я.— Я чувствую себя хорошо, и, кроме того, я жду повышения. А этого марсианина, что пил спиной, я видел!

Я начал принимать ванны, а повышение получил Сагула.

Жена, сообщившая о летающих тарелках в магазине, стала всеобщим посмешищем. Когда мы вместе идем по улице, дети показывают на нас и кричат:

— Вон марсиане идут!

Мы стали людьми, которых никто не принимает всерьез. Нас считают спиритами, свидетелями Иеговы и любителями серьезной музыки.

Я уж начал верить, что у меня были галлюцинации, когда ко мне явился старый Галоузек и прошептал:

— Ты только не болтай, дружище! У моей колонки они были уже шесть раз!

Перевела с чешского
И. ГАВРИЛОВА.

назвал себя Сержем, хотя лет ему было уже под пятьдесят. Он с иронической улыбкой с ног до головы осмотрел Катю, словно раздевал ее догола. Серж ни о чем не спрашивал ее. Молча выпил рюмку коньяку и чашку кофе. Закинул ногу на ногу, скользнул взглядом холодных, настороженных глаз и, цедя каждое слово, сказал:

— Вы хотите из меня сделать великого гуманиста, мадам Виолетта.— И он кивнул в сторону Кати.— Ну что же... Попробуем. Она будет определена горничной в очень богатый дом ученого...

И Серж назвал фамилию немца с весьма подозрительным прошлым, немца, который лишь каким-то чудом уцелел от суда над военными преступниками. Катя читала об этом ученом в газете.

Серж даже не спрашивал у нее, согласна ли она. В условиях безработицы, настороженного отношения к русским вообще, да еще к тому же женщине, причастной к весьма неблагонадежной семье, предложение Сержа следует считать за великое благодеяние.

— Вам повезло. Вы встретили Виолетту и меня, человека, рожденного делать людям добро. Запомните день, когда вы меня увидели. Возможно, что со временем я предоставлю вам возможность отблагодарить...

Когда она рассказала обо всем Питу, тот пришел в неописуемую ярость. Пит никогда не ругал Катю. И, кажется, впервые в сердцах сказал ей: «Ну и дура же ты!» Старики тоже что-то бурчали неодобрительно: горничной, да еще в такой дом, к фашистскому ублюдку! Катя проплакала всю ночь. Как же так, неужели они не могут понять? Не от хорошей жизни идет она в горничные. Работы нигде не найти, дома едва концы с концами сводят...

Дом ученого был действительно богатым. Здесь часто собирались гости: немцы, американцы, итальянцы... Гостей, как правило, принимали молодые хозяева — Карл и Дженни, брат и сестра. Старики рано отправлялись на свою половину и как-то чурались этого пестрого и шумного общества. А вот Карл и Дженни... О, эти были неутомимы! Сами куда-то исчезали на несколько дней и возвращались с компанией, которая иногда жила в доме целую неделю. Когда Карл успевал заниматься наукой, это оставалось для Кати загадкой. Было еще одно обстоятельство, которое привлекало внимание горничной: Карл и Дженни сравнительно хорошо говорили по-русски. Правда, с ней они разговаривали только по-немецки, иногда переходили на английский. Катя стала чуть ли не полиглотом...

Подавая кофе американским гостям, горничная как-то уловила несколько фраз. Карла называли крупным специалистом по русским делам. Речь шла о неизвестных людях в Москве.

Когда она рассказала обо всем этом Питу, он насторожился:

— Здесь что-то нечисто... И этот Серж твой, «великий гуманист», и Карл, «специалист по русским делам»,— одна компания. Держи ухо востро...

Однажды поздно вечером Катя услышала, как брат наставлял сестру — он был под хмельком и в таких случаях говорил очень громко. Смысл братских советов сводился к немудрой заповеди: там, где бессильны деньги, где нельзя купить нужного тебе человека, им может завладеть красивая женщина. Красивая женщина — это Дженни, человек, которым она должна завладеть,— какой-то актер, приехавший на гастроли с группой советских деятелей искусств...

На следующий же день Катя решила дать знать об услышанном разговоре кому-нибудь из находящихся в городе советских гостей. Но потом одумалась: а если Карл узнает? Сперва на смех поднимет ее, а потом вышвырнет из дому, как собачонку. Нет, тут требуется осторожность, надо все взвесить.

После долгих, мучительных раздумий Катя и Пит решили, что действовать надо совсем иным путем. Нужно войти в доверие к молодым хозяевам. Вначале Пит требовал другого — уйти из этого страшного дома. И делу конец. И тогда Катя, можно сказать, выплеснула ему все, что наболело у нее, все, что накипело в ее душе за годы разлуки с отчим домом. Теперь она знает: только любовь к Питу могла заставить ее в те летние дни 1945 года отказаться от возвращения домой. Она уже давно поняла, что была тогда жестоко обманута. Однако что делать, Катя любит Пита, любит сына, и дом Пита стал ее домом. Но Родина — она там, на Востоке...

— Пит, ты должен меня понять, ты же умный и добрый... Если уж судьба забросила меня сюда, то надо хоть какую ни на есть малюсенькую пользу принести своему советскому дому...

Она расплакалась, и Пит долго не мог ее успокоить. В ту ночь было решено: с волками жить — по-волчьи выть, а там видно будет.

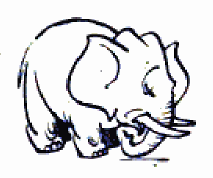
Позже, когда Катя будет рассказывать обо всем этом чекисту, он воскликнет: «У вас железная логика разведчика. Откуда только она у вас появилась?.. Прорезалась, как зуб мудрости».

Copyrighted material

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ВЕСНА В ЗООПАРКЕ

Белка мелко пляшет,
пляшет,
Верблюжонок плачет,
плачет.
Бурундук
Свищет,
А барсук
Рыщет.
Львица,
Лисица,
Волчица,
Куница —
Все это стонет, воет,
томится.
Молчит
Лишь
Слон:
Он смотрит сон.

КОГО КАК ЗОВУТ?

Как зовут цыпленка?
Цып-цып-цып!
Как зовут утенка?
Тась-тась-тась!
Как зовут котенка?
Кис-кис-кис!
Ну, а как ребенка?
Валюша,
Ванюша,
Алена,
Алеша,
Тит,
Ипполит.
Как дочку зовут?
Как сыночка зовут?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю-баю-баю,
Ты уже напился чаю,
Кашку съел и наигрался,
Нашалился, наболтался,
Так теперь уж засыпай.
Баю-бай, баю-бай.

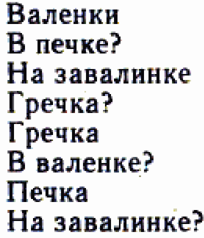
Вон присела на ворота
Говорливая ворона.
Кра-кра-кра-кра —
Маленькому спать пора.

В окна голуби взглянули.
Гули-гули-гули-гули.
Надо маленькому спать,
Чтобы утра не проспать.

Баю-баюшки-баю,
Как я кутика люблю!

ЗВОНАРЬ

Жил да был звонарь
Пахом —
Бом! Бом! Бом! Бом!
Как пройдет по голосам —
Бам! Бам! Бам! Бам!
Птицы мечутся над ним —
Бим! Бим! Бим! Бим!
Но бывал и он угрюм:
Бумм! Бумм! Бумм!

КСАША И ПАПА

— Ах ты, Ксаша, моя
Ксаша,
Оксана Васильевна.
У тебя остыла каша,
Оксана Васильевна.

Под мячом забыта книжка,
Оксана Васильевна,
И куда девался мишка,
Оксана Васильевна?

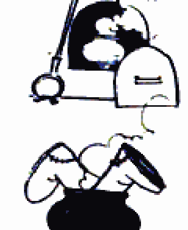
Отвечает Ксаша папе:
— Василий Васильевич!
Мишка... Он теперь без
лапы,
Василий Васильевич.
Очень я его любила,
Я его похоронила.

— Понимаю горе ваше,
Оксана Васильевна.
Ну, а как же книжка с
кашей,
Оксана Васильевна?
— Не останусь я голодной,
Василий Васильевич:
Кашку можно есть
холодной,
Василий Васильевич.
Да и книжка не растает,
Василий Васильевич.
Пусть и мячик почитает,
Василий Васильевич.
Надо только на зрачки
Дать ему твои очки.

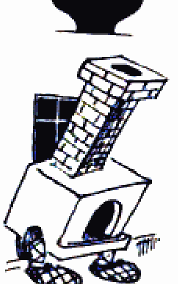

ЧТО ПРАВИЛЬНО

Гречка
В печке?
Валенки
На завалинке?

Валенки
В печке?
На завалинке
Гречка?
Гречка
В валенке?
Печка
На завалинке?

Валенки
В гречке?
Завалинка
В печке?

Задача № 1 — добиться разрешения поехать в СССР. Хотя бы на месяц, чтобы повидать родных. Хозяев, пожалуй, она уговорит,— может, их даже устроит такая поездка. Теперь Катя не сомневалась в том, что Серж неспроста определил ее в дом Карла и Дженни. Видимо, у специалиста по «русскому вопросу» есть дальний прицел, свои виды на женщину из России. Сложнее другое — получит ли визу? Семья Пита — это хорошо. А Карл, Серж, Виолетта? Плохая рекомендация для поездки в СССР. А ей до зарезу надо повидать брата, бывшего партизана. И лихорадочно пульсирующая мысль ведет ее по цепочке звеньев — от одного к другому.

И логика начинающего разведчика подсказывает: повремени с задуманным планом, сторонись пока и Сержа и Виолетты и не иди на сближение с Карлом. Сперва получи разрешение на поездку в СССР.

Позже, в Москве (по просьбе Кати ее вызвали туда из маленького западнобелорусского городка, где она встретилась с братом, тетками и двоюродными сестрами), сотрудник органов госбезопасности, слушая ее, скажет: «Молодцом! Все правильно решила. Все верно по своим местам расставила. И визу получила. Не растерялась. А обстановка-то была ведь очень сложная. Тебе же это понятно?» Да, ей все понятно...

Кате после возвращения из СССР не стоило большого труда завоевать полное доверие хозяев. Проявился ли тут неожиданно открывшийся в ней талант, или попросту Карл с Сержем оказались людьми недальновидными, сказать трудно. Большое впечатление произвела на хозяев хорошо разработанная легенда об ужасах бытия в городах и селах Белоруссии. Она намекнула, что есть среди ее советских друзей и такие, которых далеко не все устраивает в советском образе жизни.

В общем, рассказы Кати попали на благодатную почву, и после долгой проверки горничной Карл стал уже замышлять тайную переброску ее в СССР. Но это далекая перспектива. А пока она должна помогать им, будущим спасителям России, выполняя их особые задания. На первых порах задания эти были связаны главным образом с довольно частыми приездами различных советских делегаций, ученых, туристов и т. п. При этом она чувствовала, что ее все еще держат на определенной дистанции: круг «людей Карла» достаточно широк, но, кроме Сержа, она пока не знает никого. Тут действовали свои законы конспирации.

Ей стало известно, что нити от Карла тянутся к одному из иностранных посольств в Москве, что есть там, у некоторых сотрудников этого посольства, свои агенты, но кто они, через кого поддерживаются связи? Уравнение со многими неизвестными. Сумеет ли она решить его? Катя верила в свои силы. И каждый раз, когда «Ландышу» удавалось передать в Москву «Ромашке» информацию о всяких антисоветских каверзах, в ней от счастья и гордости все пело. «Значит, я чем-то могу помочь им...»

Помощь эта становилась год от года все более ощутимой.

Карл и Серж почему-то решили специализировать ее по «научной части». Нацеливали на советских ученых. В одном случае она должна была сделать провокационное предложение («Могу достать чертежи...»); в другом — попытаться соблазнить политическим убежищем («Поверьте, мы, русские, здесь отлично устроены. Я вас познакомлю с господином...»), а в третьем...

Этот третий вариант казался ей самым каверзным. Все разыгрывалось, как по нотам. Приглашается в гости Петр Максимович. Неожиданно в гостиную входит горничная, на которую хозяйка, разговаривая по-русски, обрушивает поток ругани. Дженни выходит из комнаты. Неужели гость не поинтересуется горничной, отлично владеющей русским языком? И о чем тогда пойдет у них разговор? Дженни стоит за дверью, а на камине портативный магнитофон. Ну, а если русский будет молчать? Тогда другой вариант идет в ход. Хозяйка, вернувшись в гостиную, невзначай роняет слова о бедной советской девушке, которую сюда забросила война. Перед отъездом ученого домой его встретит на улице Катя и будет умолять отвезти в Москву самый что ни на есть пустячный сувенир — спиннинг. Катя знает: в спиннинге шифровка.

Бог ты мой! Советский ученый с ее помощью оказывается связным, передает шифровки. А она не имеет права предупредить его. Что делать?

...Карл был весьма доволен своей горничной. Милая Катрин весьма точно разыграла операцию «Спиннинг» — прекрасный помощник! Немец уже получил подтверждение: шифровка попала по назначению, в руки резидента.

Если бы он знал, что «подтверждение» получила и его горничная! Телеграфировал «брат»: «Беспокоимся долгим молчанием». Значит, все в порядке, ее сигнал получен вовремя, шифровка перехвачена...

Продолжение следует.

Copyrighted material

Забавные мелочи забавные

ДУЭТ.

Фото К. Тойли.

г. Ашхабад.

34 ГОДА НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Лючия Росано, итальянка из села Борборе, в 1932 году приобрела велосипед. Все тридцать четыре года она не расставалась с ним. И только недавно Лючия Росано, которой исполнилось восемьдесят два года, подарила свою музейную машину редакции газеты, получив взамен новый велосипед.

ЖЕНЩИНЫ КУТЯТ...

В деревне Моносиклисса (Греция) соблюдается интересный обычай. Один раз в год женщины этого местечка имеют право на полное равенство с мужчинами. Мужчины остаются дома и занимаются хозяйством, а женщины собираются в кафе, пьют вино и поют до изнеможения. Мужчину, который нарушит этот обычай, ждет суровая кара: его раздевают и купают в холодной воде.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ФРАНТ

Этого пса, живущего в Брюсселе, одолело пристрастие к английской моде. Он ежедневно провожает своего хозяина на работу в клетчатом кепи и с трубкой в зубах.

В ОЖИДАНИИ...

Говорят, что только в Париже можно увидеть такую картину. Жених и невеста пришли в муниципалитет, чтобы зарегистрировать брак. А там очередь. Куда пойти? Конечно, в ближайший скверик, где можно даже вздремнуть на скамейке.

НЕЖНОСТЬ

Много ходит легенд о свирепом нраве горилл. Но обитателям джунглей свойственна и нежность. Перед вами на снимке горилла из Гаванского зоопарка, которая ласково обнимает могучей рукой маленького котенка.

Трудно

Лев СОФРОНОВ

Рассказ

Где-то я вычитал, что многие писатели начинали со стихов, а уже потом переходили на прозу. У меня все наоборот было.

Семи лет я пытался написать рассказ о любви мальчика и девочки. В ту пору я уже был влюблен в строгую красавицу Музу Аккуратову. Муза училась в пятом и посматривала на нас, первоклашек, со снисходительным презрением. После четырех уроков я лишний час околачивался около школы, чтобы проводить Музу домой.

Нет, я не посягал на то, чтобы идти рядом с ней по тротуару. Моя любовь была возвышенной и замкнутой. Я шествовал позади Музы и изо всех сил выражал на своем лице полнейшее равнодушие. Однажды Муза остановилась и, подождав меня, сказала:

— Слушай, ты, килька-простофилька, если увяжешься за мной еще раз, получишь шалобанов. Зарубил?

Я независимо шмыгнул носом и сделал вид, что ничего не понял. Но если бы она заглянула в тот миг в мою душу! Она бы увидела осколки поверженного кумира, осколки, составившие некогда сверкающий айсберг, на котором золотом были высечены волшебные слова «Муза Аккуратова».

Я отправил свой рассказ в октябрятскую газету «Звездочка». Каждый номер газеты я раскрывал с трепетом и надеждой. «Первой любви» не было и не было. Были советы начинающим пловцам, были стихи о ромашках и одуванчиках. Отличники подробно рассказывали, как они подтягивают отстающих. Какая-то девочка призывала собирать лекарственные травы, какой-то мальчик делился опытом истребления сусликов. «Первой любви» не было и не было...

Потом пришло домой сразу два конверта, на которых были изображены октябрята и костер с разлетающимися искрами. Один конверт был адресован мне, другой — отцу. В письме ко мне сотрудница редакции сердечно и заботливо писала: «Дорогой Леша! С интересом познакомилась с твоим рассказом «Первая любовь». Литературные задатки у тебя, видимо, есть. Но почему ты начинаешь с так называемых «вечных тем»: любовь, ревность и т. д? Почему бы тебе не попробовать рассказать о дружбе ребят вашего класса, о благородном поступке кого-нибудь твоего сверстника? Собираете ли вы лекарственные травы? А может быть, с увлечением боретесь с сусликами? Все это может быть использовано на страницах «Звездочки». Хочется пожелать тебе успехов в учении. А слово «ревность» надо писать через «о». Но вы, видимо, этого еще не проходили. Читай классиков: Пушкина, Лермонтова. Учись у них прозрачности языка, отточенности каждого образа, каждой детали...»

Отец прочел письмо, адресованное ему, и посмотрел на меня с нескрываемым испугом.

— Тебе семь лет или семнадцать? — строго спросил он меня.

— Семь,— храбро ответил я.

— Вот когда будет семнадцать, тогда и пиши о первой любви. А пока что у тебя было обыкновенное увлечение.

Нет, взрослые никогда не понимали и не поймут детей. Слишком многое выветривается из их памяти со временем...

Прошел целый год, прежде чем зажила моя первая сердечная рана, прежде чем я смог переключиться с вечных тем на темы злободневные, представляющие для «Звездочки» несомненный интерес. Я с пристрастием расспрашивал одноклассников о благородных поступках, совершенных ими. Большинство пожимало плечами. Некоторые, скромно потупясь, говорили:

— Ну, посуду вчера помыл после ужина...

— Ну, отнял щенка у мальчишек, которые мучили его. Буду воспитывать его. Не щенок, а прямо волчонок: лобастый, кусачий.

Нет, особым благородством наш класс не блистал. Никто не спасал тонущего дошкольника, никто не вытаскивал из горящего дома бабушку с двумя малолетними внуками. Как утопающий за соломинку, я ухватился за историю о щенке. Рассказ назывался «Волчонок». В рассказе щенок становился грозной овчаркой, и пограничники, принимая его от мальчишки, не могли скрыть восхищения. Конечно, Волчонок задерживал одного за другим нескольких нарушителей границы. Конечно, пограничники с гордостью писали об этом давнишнему хозяину щенка. Октябренок в ответ давал обязательство: вырастить и воспитать еще двух овчарок для несения службы на границе. По глупости и недостаточной литературной опытности я назвал в рассказе владельца щенка его настоящей фамилией — Филя Емелин.

Через неделю Емелин подлетел ко мне и с ходу ткнул кулаком в мой правый глаз.

— Враньем занялся, да? В другой глаз хочешь, да?

Напрасно я уверял его, что в другой глаз не хочу,— я получил и в другой глаз и в нос. А в заключение Филя Емелин швырнул мне в лицо свежий номер «Звездочки».

Захлебываясь слезами, я прочитал свой первый напечатанный рассказ. Вкуса тех слез я не запомнил, а вот запах свежей типографской краски, наверное, останется в моей памяти на всю жизнь. Никогда не думал, что типограф-

Ироническая смесь

Федор ЦЕЛИЩЕВ

ЗВЕЗДА

Среди других блестит она,
С Венерой споря синеокой
Но люди в наши времена
Ее считают
недалекой.

Copyrighted material

БЫТЬ ПИСАТЕЛЕМ

ская краска может пахнуть так славно, так радостно, так волшебно.

Слезы высохли, синяки остались. Отец выслушал меня и вздохнул:

— На нелегкую тропу вступаешь, дорогой мой сын. Трудно быть писателем. А Филе Емелину объясни, что автор имеет право на художественный домысел. Если, конечно, речь идет о рассказе, а не просто о заметке.

Я подробно объяснил все это Филе. Он цыкнул слюной и сказал:

— Вот и отвечай на письма, которые посыпались ко мне.

В письмах Филей восторгались мальчишки и девчонки, советовали, как назвать будущих овчарок: Джульбарсом, Рексом, Другом...

— Знаешь, Филя,— заискивающе сказал я,— а ты возьми и в самом деле передай своего щенка пограничникам. Когда он подрастет, конечно. Вот и будет все, как в рассказе. А что он задержит нарушителей, я ни капельки не сомневаюсь.

— Дурак ты,— сказал прямолинейный Филя,— разве пограничники берут дворняжек?

Этой маленькой детали я, разумеется, не знал, когда писал рассказ.

Не успели пройти синяки, как в мой адрес пришла заказная бандероль из «Звездочки». Я крупно расписался в толстой книге, поданной почтальоном, и нетерпеливо стал срывать тяжелые сургучные печати. Багрово-красные печати, как на каком-нибудь сверхсекретном документе. В бандероли были книги и письмо уже известной мне сотрудницы редакции: «Поздравляю, Леша, с первым опубликованным рассказом! Очень рада, что не ошиблась в твоих способностях. Вероятно, пошло на пользу и то, что по совету редакции ты перечитал классиков: Пушкина и Лермонтова. Премируем тебя «Полтавой» и «Кавказским пленником». Пусть эти книги будут твоим первым гонораром. Читай и перечитывай их. Учись прозрачности языка, отточенности каждого образа, каждой детали».

Воспрянув духом, я забыл урок, преподанный мне Филей Емелиным, и начал всерьез подумывать о новом рассказе. Но сюжеты под ногами не валяются. А на вечных темах стояло грозное табу редакции. Только сама жизнь могла мне подсказать сюжет.

И она подсказала.

Муза Анкуратова нашла на улице бумажник с деньгами, выроненный каким-то рассеянным чудаком. Муза отнесла находку в милицию. Там похвалили Музу за честный поступок и вскоре разыскали владельца бумажника. Им оказался директор нашей школы. Ему вернули деньги. Он приказом по школе вынес Музе всенародную благодарность от своего имени.

Рассказ так и назывался — «Находка». Но теперь я уже был стреляный воробей (точнее, битый, но это почти одно и то же). Теперь я изменил в рассказе все фамилии. И Музы, и директора, и начальника милиции.

В одном из ближайших номеров «Звездочки» рассказ был напечатан. Подписан был он так: «Леша Сазонов, 8 лет».

В большую перемену я независимо расхаживал по коридору, заложив руки за спину и все время косясь на витрину со «Звездочкой». Читатели валили косяками. Сердце мое пело, трепетало, рвалось из груди крылатой ласточкой... Теперь-то меня никто не посмеет отругать: фамилии другие, все чин чином, как и полагается в художественном произведении. Комар носа не подточит, как говорится.

Первоклассники тыкали в меня пальцами, словно в заморскую диковину, и говорили:

— Вот тот толстый, из второго «Б»...

Даже «толстый» звучало для меня в этот день как «Толстой».

— А не похож, правда?

— На кого не похож?

— Ну, на писателя.

— А голову видишь?

— Ну?

— Здорова, как тыква. У всех писателей такие.

Слава обрушилась на меня, как водопад. Нос мой как-то сам собой начал задираться все выше и выше. И вдруг — Муза. Сама Муза!

— А, Килька! Не такой уж ты простофилька. Одного себя прославляешь? Словно сам и бумажник нашел, словно тебе самому и благодарность объявили? «Леша Сазонов, 8 лет»! Был бы постарше, получил бы шалобанов. Правду надо писать, понятно?

— Так это ж... Ведь там стоит: «Рассказ»...

Не дослушав моего детского лепета, Муза покинула меня, чтобы больше не приблизиться уже ни разу в жизни... О, какой же я остолоп!

После уроков меня вызвал директор. Сурово постукивая костяшками пальцев по стеклу, покрывающему стол, он назидательно говорил:

— В следующий раз указывай в своих заметках только факты. Не искажай истины. Мне уже из милиции звонили. Жалуются, что переврал все на свете, все фамилии, вплоть до самого начальника. Ему тоже неприятно.

— Худо́...

— Не худо́, а ху́до. Вот так, товарищ Леша Сазонов.

— Художественное творчество, я хотел сказать... Оно, значит, имеет право...

— Ну-ну, не очень переживай. Я вот не переживаю, что ты моей фамилии не назвал. И другие примирятся. Хотя и говорится: что написано пером, не вырубишь топором. Со временем все успокоятся. А плакать совсем не обязательно. Сам знаешь, писателем трудно быть.

Дома я объявил отцу, что с прозой расстаюсь навсегда. Буду пробовать свои силы в стихах. Буду читать и перечитывать Пушкина и Лермонтова. К стихам не придерутся.

— Гм... гм...— многозначительно вымолвил отец.— Опять какая-то неувязочка? Надо быть стойким, сын мой. Взялся за гуж — не говори, что не дюж.

— Пословиц я сегодня узнал сто штук. И все разные.

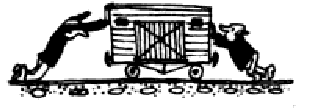

Рисунок Ю. Черепанова.

— А ты выбирай самую правильную. С ней и живи, Алексей Сазонов.

Я махнул рукой. Стихи и только стихи! Самое милое дело. В них фамилий не надо указывать. Буду тоже писать о ромашках и одуванчиках. Буду воспевать васильки.

Но мои злоключения на этом далеко не закончились. Ко мне полетели письма от ребят чуть ли не со всего края. Некоторые писали, что всю жизнь мечтали познакомиться и переписываться с настоящим живым писателем. Другие, более практичные, подробно излагали какую-нибудь просьбу. Одному нужны были позарез особые перышки для ручки, другой жаловался, что в их городе совсем нет тетрадок в клетку, и просил срочно прислать десять штук. Третий требовал, чтобы я раскрыл ему секреты своего писательского успеха. Этому, последнему, я живехонько написал, чтобы он почаще перечитывал классиков — Пушкина и Лермонтова, учился у них прозрачности языка и отточенности каждого образа, каждой детали.

ТОЛКАЧИ

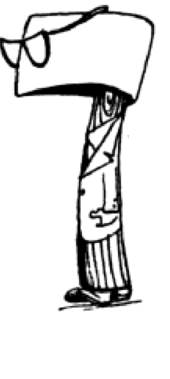
На завод-гигант «Силач»
Прибыл сто один толкач.
Для кормежки толкачей
Надо
ворох
калачей!

САПОЖНИКАМ С ФАБРИКИ «СКОРОНОС»

Когда про качество вас спросят,
Так, не греша, скажите им,
Что вашу обувь люди носят
Лишь
по ремонтным мастерским.

КОЛУН

И туп,
И груб,
И вес
Не мал,
И дров
Немало
Наломал.

Есть такой поезд

Мягко постукивая на стыках рельсов, проносится скорый поезд. Чем же отличается он от сотен ему подобных, кроме белоснежной окраски и надписи «Латвия», выведенной четкими буквами на каждом вагоне?

Это один из многих так называемых «фирменных» поездов, курсирующих по железным дорогам нашей страны. Он укомплектован самыми современными вагонами. Просторные купе, удобные спальные места, кондиционированный воздух. Все это теперь имеют уже многие поезда, но тем не менее их пассажиры часто бывают недовольны. В чем же дело? Дело в культуре обслуживания. И тут первое слово о проводнике. Здесь, в вагоне, он как бы представляет фирму. Именно с ним приходится иметь дело пассажиру. Машинист, диспетчер, стрелочник, связисты, от труда которых зависит четкая работа дороги,— все это люди, которых пассажир не видит. А проводник тут, рядом. Он вас первым встречает. И если проводник груб, то самый комфортабельный вагон покажется вам сущим адом.

...Посадка. У дверей вагона стоят проводники. Светло-серые костюмы, элегантные пилотки. Приветливо улыбаются. И пассажиру сразу же становится уютно.

«...Возвращаясь с отдыха на Рижском взморье, я в поезде как бы продолжаю отдыхать»,— пишет в книге отзывов пассажир Б. В. Столяров.

Кстати, об этой книге. Она полна благодарностей, адресованных обслуживающей бригаде. Много хвалят за чистоту в вагоне, за своевременную вентиляцию. Удивляться тут, конечно, нечему. Так должно быть везде. Но чувствуется, что и бригадиры и проводники поезда «Латвия» относятся к своему делу не формально. Есть у них профессиональная гордость за честь своей фирмы.

— Нет, вы честно скажите, где лучше обслуживают пассажиров: на экспрессе «Рица» или у нас? — расспрашивают они женщину, возвращающуюся из Сочи.

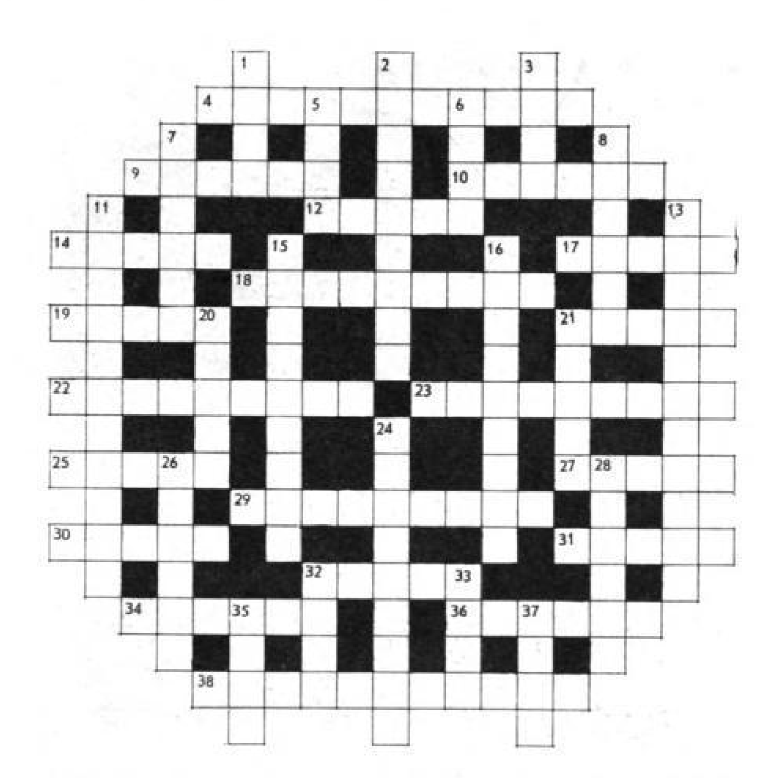
Чистота, вентиляция, цветы на столиках — это все норма повседневной жизни поезда. Но порой бывает и так, что надо стать выше нормы. В Ригу едет пассажирка П. Провожающий ее муж забыл в вагоне портфель с важными документами. Что делать? Жене уже представляется паника дома, нервозность мужа: куда делся портфель? И тогда на помощь приходит бригадир Н. Бобровский. С одной из станций он срочно звонит в Москву. «Не беспокойтесь, ваш портфель в сохранности. Перешлю вам его с проводником очередного поезда».

Частенько проводницы оказываются в роли медсестер: едет больная старушка, надо принести ей лекарство, посидеть около нее. Или еще неприятность: до отхода поезда остается полминуты, и пассажиры впопыхах садятся не в свой вагон. Проводница «чужого» вагона найдет их место, поможет перенести вещи.

Вежливость, предупредительность, доброжелательность — вот чем славится «Латвия», скорый поезд, совершающий рейсы между Ригой и Москвой.

Г. СМЕХОВ

Copyrighted material

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Певчая птица. 9. Гостиница на автомобильной дороге. 10. Река в Свердловской области. 12. Режущий инструмент. 14. Кровельный материал. 17. Ансамбль из восьми исполнителей. 18. Персонаж трагедии Гете «Фауст». 19. Трос парашюта. 21. Рыба семейства карповых. 22. Русский живописец. 23. Математическое равенство. 25. Отрицательно заряженная частица. 27. Старинная русская единица счета. 29. Цветок. 30. Театральные подмостки. 31. Периодическое понижение уровня океана, моря. 32. Последовательно развивающиеся события в художественном произведении. 34. Повесть Э. Г. Казакевича. 36. Определенная точка зрения. 38. Зодчество.

По вертикали:

1. Французский композитор и педагог. 2. Государство в Центральной Америке. 3. Жанр устного народного творчества. 5. Советский писатель-сатирик. 6. Приток Днепра. 7. Испанский танец. 8. Овощ, корнеплод. 11. Хвойное дерево. 13. Автор романа «Железный поток». 15. Центр угольного бассейна в Казахстане. 16. Известковый нарост на своде пещеры. 20. Автор «Записок декабриста». 21. Тригонометрическая функция. 24. Помещение для разведения южных растений. 26. Сказка Х. Андерсена. 28. Раздел физики. 32. Женская одежда в Индии. 33. Метрическая единица в музыке. 35. Советское немагнитное судно. 37. Большой декоративный сад.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали:

4. Скорпион. 7. Лимпопо. 8. Оксана. 11. Варан. 12. Меркатор. 13. Океан. 16. Малина. 17. Капица. 19. Роллан. 20. Меморандум. 24. Радист. 25. Нейлон. 26. Орлеан. 27. Пинос. 28. Трафарет. 31. Силок. 32. Байкал. 33. «Колокол». 34. Петрушка.

По вертикали:

1. Скопле. 2. Долото. 3. «Свидание». 5. Перкарина. 6. Каникулы. 9. Казандзакис. 10. Катализатор. 14. Шахматы. 15. Тромбон. 17. Камин. 18. Алдан. 21. Рейсфедер. 22. Киловатт. 23. Иллинойс. 29. Рельеф. 30. Ерошка.

На первой странице обложки: Геохимик Надежда Кореннова определяет пробу золота (см. в номере репортаж «Блестит ли золото»).

Фото Г. Копосова.

На последней странице обложки: Так выглядит скорый поезд фирмы «Латвия» (см. в номере корреспонденцию «Есть такой поезд »).

Фото Г. Смехова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10667. Подписано к печати 4/VIII 1966 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 1358. Заказ № 2060.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Парус поднят еще на берегу.

ОПТИМ

В. ВИКТОРОВ

Фото С. МИГДАЛЯ.

Испокон веков парусный спорт считался самым серьезным — с водяной стихией шутки плохи,— и у руля яхты место получал лишь тот, кто прошел долгую школу морской премудрости, не один сезон проплавал матросом, не раз до крови растирал шкотами свои ладони. И вдруг — не сон ли это?— скользят по Пирите, резвой эстонской речке, торопящейся на встречу с Балтикой, крошечные яхточки с самыми настоящими парусами, и сидят за рулями этих яхт белобрысые, выдубленные морскими ветрами мальчишки и девчонки. В каждой яхте по мальчику или девочке — и все они лихо лавируют, мгновенно меняя

Петер Теемуск (слева), юный чемпион спортивного общества «Калев», принимает поздравления главного своего соперника — Тыну Лембре.

Экипаж «Кадета» откренивает яхту.

ИСТЫ

галсы. И на всех парусах нарисована одна и та же буква «О».

Почему «О»? Что это, восклицание, которое издаем мы, взрослые, увидев маленьких яхтсменов? Но где же тогда восклицательный знак? Нет, обычно на парусах какой-нибудь буквой или цифрой обозначается класс яхты.

Какой же класс обозначен буквой «О»? С этим вопросом мы обратились к единственному взрослому человеку, которого смогли найти в этом уголке Таллинского яхтклуба, где сновали юные моряки в возрасте от семи до тринадцати лет в надувных спасательных жилетах.

— Интересуетесь нашими «Оптимистами»? — спросил нас Таави Орг. — Давайте познакомимся — перед вами тренер яхтсменов этого класса...

Оптимисты! Вот, оказывается, как расшифровывается буква на парусе! Класс этих суденышек кто-то назвал «Оптимисты». Эти яхты так же, как и их непоседы-хозяева, не боятся ни волн, ни ветра. Как мы узнали у Таави Орга, яхты для ребят обладают большой устойчивостью, исключительно маневренны, легко управляются и их парус объемом всего-то в 3,3 квадратного метра вполне удобен для малышей-рулевых.

Три года тому назад таллинский яхтсмен Орг увидел эти удивительные яхты на страницах какого-то журнала ГДР и решил построить несколько экспериментальных судов на Таллинской верфи. К весне нового сезона в Таллинском яхтклубе уже стояло восемнадцать «Оптимистов» и одиннадцать «Кадетов», яхт более высокого класса для ребят старшего возраста. (Экипаж такой яхты — два человека.)

В то время, когда мастера верфи строили первые «Оптимисты», сорок ребятишек уже занимались под руководством Таави Орга, изучали вождение парусных судов, малярное и такелажное дело, учились плавать и грести.

Уже летом 1964 года были проведены первые гонки на «Оптимистах», а теперь эти яхты можно встретить на многих реках и озерах Советского Союза. Даже на озере Балхаш! В Таллине яхты «Оптимист» ребята строят своими руками, а самые рьяные плотники пошли в помощники к мастерам экспериментальной судоверфи. Стоимость «Оптимиста» — 164 рубля вместе с парусами и снастью, полуфабрикат маленькой яхты — детали в пакете — 127 рублей. Каждый может собрать яхту сам, и от этого она делается еще более желанной для маленьких яхтсменов.

На курсе...

Прежде чем отчалить, надо еще раз проверить парус.

Таави Орг и его питомцы.

Copyrighted material

9–18

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

Copyrighted material